

ГЕРБЕРТ

УЭЛЛС

ЛЮДИ КАК БОГИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Герберт Джордж Уэллс

Люди как боги

«Издательство АСТ»

1923

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Уэллс Г.

Люди как боги / Г. Уэллс — «Издательство АСТ»,
1923 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-157750-6

Идеальный мир. Нет злобы, нет зависти, нет лжи, нет даже опасных животных. Всеобщая гармония и процветание. Утопия. Мир, где люди как боги: умные, прекрасные, сильные... Но что будет, если в этот мир попадут люди из XX века? С их корыстью, злобой, жадностью и стремлением к власти? Найдется ли среди них хоть один человек, способный понять Утопию и не разрушить ее?

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157750-6

© Уэллс Г., 1923

© Издательство АСТ, 1923

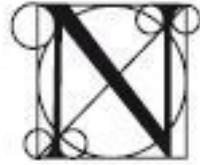
Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Герберт Уэллс Люди как боги

*Посвящается Флоренс Ламонт, чей дом в Энглвуде стал местом,
где этому роману придумали название*

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с английского С. Рюмина

Школа перевода В. Баканова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Книга первая

Вторжение землян

Глава 1

Мистер Коттедж уходит в отпуск

1

Мистер Коттедж срочно нуждался в отпуске, но поехать было некуда и не с кем. Он вконец заработался. Домашний быт ему тоже надоел.

Будучи от природы очень привязчивым, он любил свою семью настолько, что изучил ее наизусть, поэтому, когда ему случалось хандрить, семейное окружение вызывало у него острое ощущение скуки. Трое сыновей подрастали и, казалось, становились с каждым днем все выше и голенастее. Они занимали любимые кресла отца, донимали его, тренькая на пианоле, наполняли дом хриплым, раскатистым гоготом, смеясь над анекдотами, от которых у родителей покраснели бы уши, мешали невинному флирту, составлявшему одно из главных развлечений мистера Коттеджа в этой тоскливой юдоли, обыгрывали его в теннис, дурачась, возились на лестничных площадках и с жутким грохотом скатывались по двое и по трое вниз по ступеням. Их шляпы валялись буквально повсюду. Они опаздывали к завтраку. Каждый вечер ложились спать под дикие вопли: «Хо-хо-хо! Бум!» – что матери, как видно, доставляло удовольствие. Семейство стоило немалых денег и беспечно не брало в голову тот факт, что доходы мистера Коттеджа не могли угнаться за ростом всего на свете. А когда он произносил за столом постные истины о мистере Ллойд Джордже или делал малейшую попытку поднять уровень застольной беседы выше глупой перепалки, сыновья напускали на себя рассеянный вид.

Мистер Коттедж страстно желал уехать от семьи куда-нибудь подальше, где можно думать о родных с тихой гордостью и нежностью, лишь бы их самих не было рядом.

А еще ему хотелось на время уехать от мистера Стона. Его терзал один вид улиц, он жаждал никогда в жизни больше не видеть газет или газетных афиш. Его угнетали дурные предчувствия финансово-экономического краха, в сравнении с которым недавняя мировая война представлялась случайным недоразумением. Все это объяснялось тем, что он был заместителем и помощником по общим поручениям редактора «Либерала», хорошо известного органа печати, принадлежавшего депрессивному направлению прогрессивной мысли. Еще одной причиной был все больше отравлявший душу, стойкий пессимизм его шефа мистера Стона. Раньше еще кое-как удавалось противостоять мистери Стону, украдкой отпуская шуточки насчет мрачного вида начальника в разговоре с другими сотрудниками, но других сотрудников больше не было – в порыве финансового отчаяния мистер Стон всех их сократил. Теперь статьи для «Либерала» регулярно писали только мистер Коттедж и сам мистер Стон. А следовательно, мистер Стон мог обращаться с мистером Коттеджем, как левая нога пожелает. Редактор, ссутулившись и засунув руки глубоко в карманы брюк, сидел в своем кресле и с мрачной миной разглагольствовал обо всем на свете, иногда не закрывая рта по два часа кряду. Мистер Коттедж от природы тяготел к сдержанному оптимизму и вере в прогресс, однако мистер Стон был твердо убежден, что вера в прогресс устарела по меньшей мере на шесть лет и что либерализму оставалось надеяться разве что на скорое наступление Судного дня. Закончив дайджест, который сотрудники, когда в редакции еще были сотрудники, называли «дать жесь», мистер Стон уда-

лялся, предоставляя все прочие материалы очередного еженедельного номера заботам своего зама.

С мистером Стоном было трудно ужиться даже в обычные времена. Необычные же изобиловали малоприятными событиями, вполне оправдывавшими меланхолические предчувствия. Великий локаут в угольной отрасли продолжался уже месяц и, похоже, грозил Англии торговой катастрофой. Каждое утро поступали все новые сведения о бесчинствах в Ирландии, которые нельзя было ни простить, ни загладить. Затянувшаяся засуха угрожала видам на урожай по всему миру. Лига наций, от которой мистер Коттедж в великие дни правления президента Вильсона ожидал гигантских свершений, оказалась нагоняющим тоску, чванливым дутым пузырем. Повсюду происходили конфликты, повсюду правил абсурд. Семь восьмых мира все больше скатывались к хроническому беспорядку и социальному разложению. Сохранять оптимизм перед лицом фактов было бы трудно и без мистера Стона.

Организм мистера Коттеджа действительно почти перестал вырабатывать надежду, а ведь для таких, как он, надежда была важным сольвентом, без которого жизнь камнем застревает в желудке. Он всегда уповал на либерализм и его бескорыстные устремления, однако теперь начинал думать, что либерализм навеки обречен сидеть, ссутулившись и засунув руки в карманы, брюзжать и бурчать о деятельности менее благородных, но более энергичных людей, сумбурной деятельности, которая неминуемо погубит весь мир.

Дни и ночи напролет мистер Коттедж переживал за судьбы мира. Ночами даже больше, чем днем, потому как мысли отгоняли сон. Его преследовало жуткое вожделение выпустить номер «Либерала» самолично, переписать его после того, как мистер Стон уйдет домой, выкинуть всю неудобоваримую дрянь, жалкие, пустые придирки то к одному, то к другому изьяну, злорадство по поводу зверств и несчастий, утрирование простых, естественных человеческих промахов мистера Ллойд Джорджа, апелляции к лорду Грею, лорду Роберту Сесилу, лорду Лансдауну, папе, королеве Анне, императору Фредерику Барбароссе (адресат менялся каждую неделю), восстать, стать рупором и душой юных устремлений возрожденного мира, выбросить все и наполнить весь номер Утопией! Сказать изумленным читателям «Либерала»: вот что нужно делать! Вот как мы поступим!.. Какой это будет удар для мистера Стона в тихое воскресное утро! Может быть, от удивления он в кои-то веки перестанет исходить желчью и нормально переварит завтрак.

Увы, все это были лишь глупые фантазии. Дома ждали три молодых отпрыска рода Коттеджов, кому он был обязан обеспечить достойный старт в жизни. И какой бы сладкой ни была мечта, мистер Коттедж не питал иллюзий: для ее осуществления ему не доставало ума и ловкости. Он бы обязательно все испортил.

Не угодить бы из огня да в полымя. «Либерал» – газета унылая, вгоняющая в сплин, мелочная, но не подленькая и не злобная.

И все же во избежание подобного катастрофического срыва мистеру Коттеджу срочно требовалось на некоторое время отдохнуть от общества мистера Стона. Он и без того уже раз или два осмелился перечить шефу. Так и до ссоры недалеко. Естественно, первым шагом к желанному отдыху от мистера Стона должен стать визит к врачу. И мистер Коттедж его нанес.

– У меня нервы шалят, – признался мистер Коттедж. – Я чувствую себя как последний неврастеник.

- Вы страдаете неврастенией? – спросил врач.
- Моя работа мне обрыдла.
- Вам нужен отпуск.
- Думаете, смена обстановки мне поможет?
- Да, и как можно более радикальная.
- А вы не могли бы посоветовать, куда поехать?
- А куда вы хотели бы?

– Ничего не приходит в голову. Я думал, что вы подскажете.

– Какое место приглянется, туда и поезжайте. А до тех пор не насилуйте свои симпатии.

Мистер Коттедж заплатил врачу гинею и, вооружившись его инструкциями, приготовился объявить мистеру Стону о своем недомогании и необходимости отдыха, как только представится удобный случай.

2

Некоторое время планы на отпуск лишь добавляли веса и без того тяжкому бремени забот, лежащему на плечах мистера Коттеджа. Решение куда-нибудь уехать поставило перед ним три неразрешимые проблемы: каким образом, как далеко и – потому как мистер Коттедж был одним из тех людей, кому быстро надоедала любая компания, – с кем. К выражению откровенного уныния на лице мистера Коттеджа, ставшему в последнее время привычным, незаметно примешался яркий лучик вороватой хитрецы. Впрочем, кто и когда обращал внимание на выражение лица мистера Коттеджа?

Кое-что он понимал со всей ясностью: дома об отпуске нельзя даже заикнуться. Стоило миссис Коттедж что-то пронюхать, как случилось бы то, в чем он не сомневался: она немедленно с умелой заботой взяла бы все это дело в свои руки. «Ты должен отдохнуть *как следует*», – скажет она. Выберет неблизкий и недешевый пансион в Корнуолле, Шотландии или Бретани, купит кучу нарядов, постоянно что-то будет вспоминать в последний момент, и багаж под конец обрастет массой неудобных котомок. Да еще потащит за собой мальчишек. Жена, вероятно, предложит одной-двум группам знакомых приехать туда же, «чтобы было повеселее». А если те согласятся, то не преминут захватить с собой худшие стороны своего характера и окажутся несносными занудами. Пустые разговоры, вымученный смех, бесконечные настольные игры... Нет уж!

Однако как можно уехать в отпуск, чтобы жена ничего не заподозрила? Как незаметно упаковать чемодан и вынести из дому?

С точки зрения мистера Коттеджа, самая обнадеживающая сторона его положения заключалась в том, что он был владельцем маленького автомобиля. Понятно, что машине в его тайных планах отводилась важная роль. Автомобиль представлялся самым удобным средством побега, а ответ на вопрос «как далеко?» превращал конкретный, фиксированный географический пункт в то, что математики, кажется, называют геометрическим местом точек. К тому же некомпанейская натура маленькой бестии в меньшей, но ощутимой степени также отвечала на вопрос «с кем?». Машина была рассчитана на двоих. Членам семьи она была известна под именами «ванночка», «горчица» и «желтая угроза». Как следует из названий, это был низкий, открытый родстер ядовито-желтого цвета. Мистер Коттедж ездил в нем из Сиденхема на работу, благо расход бензина составлял один галлон на тридцать три мили, что обходилось намного дешевле сезонного билета. Днем машина стояла во дворе под окнами редакции, а в Сиденхеме ночевала в гараже, ключ от которого имелся только у мистера Коттеджа. До сих пор ему удавалось не допустить, чтобы на ней гоняли сыновья. Иногда миссис Коттедж просила отвезти ее в Сиденхем за покупками, однако супруга недолюбливала малышку за плохую защиту от непогоды, пыль и растрепанные прически. По причине тех возможностей, которые автомобиль давал, и тех, которые отнимал, маленький родстер явно напрашивался на роль транспортного средства для заслуженного отпуска. К тому же мистер Коттедж очень любил им управлять. Водил он плохо, но очень осторожно. Хотя временами останавливалась и не желала заводиться, машина не причиняла тех неудобств, какие в жизни мистера Коттеджа причиняло многое другое. Например, машина не ехала на восток, когда он поворачивал на запад. Одно это доставляло мистеру Коттеджу приятное ощущение хозяина положения.

В конце концов, решение пришлось принимать в невероятной спешке. Неожиданно предоставилась удобная возможность. По четвергам он работал в типографии, и вечером в четверг пришел домой совершенно измотанным. Погода, как нарочно, стояла сухая и жаркая. Мысль, что засуха повлечет за собой голод и нищету для половины мира, не улучшала настроение. В Лондоне между тем было в разгаре лето, город сверкал и улыбался. Беспечностью он, пожалуй, превосходил 1913 год, великий год танго, который мистер Коттедж впоследствии назвал про себя самым беспечным годом мировой истории. «Стар» сообщала обычные дурные новости, отесненные с первых полос спортом и светскими слухами. Продолжалась война русских с поляками, войны шли в Ирландии, Малой Азии, на индийской границе и на Дальнем Востоке. Произошло три новых жутких убийства. По-прежнему бастовали шахтеры, назревала угроза еще одной крупной забастовки в машиностроительной отрасли. В пригородном поезде все сидячие места были заняты, вдобавок поезд опоздал на двадцать минут.

Дома мистер Коттедж обнаружил записку от жены: ее двоюродные сестры прислали из Уимблдона телеграмму, в которой сообщили о неожиданно представившейся возможности посмотреть теннисный матч с участием мадемуазель Ленглен и других звезд, и она уехала, прихватив с собой сыновей; предупредила, что вернется поздно. Для развития собственных навыков мальчикам очень пойдет на пользу посмотреть, как играют в теннис профессионалы. К тому же у слуг в этот вечер был отгул. Ведь муженек не против в кои-то веки побыть дома один? Слуги оставят для него на ужин холодные закуски.

Мистер Коттедж прочел записку жены с чувством покорности судьбе. За ужином он прочитал памфлет, присланный знакомым китайцем, доказывавший, что японцы намеренно уничтожают в Китае все остатки цивилизации и грамотности.

И только после ужина, когда он уселся с курительной трубкой в заднем дворике, до него вдруг дошло, какие широкие возможности открывает перед ним неожиданное отсутствие семьи.

Его внезапно охватила лихорадочная активность. Он позвонил мистеру Стону, сообщил шефу о заключении врача, заверил, что его отъезд не скажется на состоянии дел в «Либерале», и получил разрешение взять отпуск. В спальне упаковал наскоро собранные вещи в старый сак-вояз, которого сразу не хватятся, и засунул его в багажник автомобиля. После этого потратил некоторое время на письмо, адресованное жене, и аккуратно спрятал его в нагрудный карман.

Заперев гараж, мистер Коттедж спокойно уселся в садовый шезлонг с трубкой и добротной, глубокомысленной книгой «Банкротство Европы», чтобы иметь, когда вернется семья, как можно более невинный вид.

Вернувшейся жене он словно невзначай сообщил, что у него есть подозрение на неврастению и что он договорился о визите к врачу завтрашним утром.

Миссис Коттедж хотела сама выбрать доктора для мужа, но он отговорился тем, что ему надо считаться с мнением мистера Стона, пожелавшего, чтобы его зам записался именно к тому врачу, у кого консультировался он сам. А когда миссис Коттедж сказала, что им *всем* нужен хороший отпуск, он попросту буркнул в ответ нечто нечленораздельное.

Таким образом он сумел выбраться из дому, прихватив вещи, необходимые для пары недель отпуска, и не встретив непреодолимого сопротивления. На следующее утро он направился в сторону Лондона. Машины катили по шоссе веселой гурьбой, не создавая больших препятствий, и «желтая угроза» бежала с такой легкостью, что заслуживала названия «золотая надежда». В Камберуэлле мистер Коттедж свернул на Камберуэлл-Нью-роуд и подъехал к почтамту на гребне Воксхолл-бридж-роуд. Здесь он сделал остановку. Одновременно страшась и радуясь собственной смелости, он вошел в здание почтамта и отправил жене телеграмму:

«Д-р Поганиус сообщил что мне немедленно требуются уединение и отдых еду для восстановления сил в район озер я это подозревал вещи захватил подробности письмом».

Выйдя на улицу, мистер Коттедж сунул руку в карман, достал письмо, которое с таким тщанием написал прошлым вечером, и опустил его в ящик. Письмо было нарочно написано каракулями, создающими впечатление наличия у автора запущенной неврастении. Доктор Поганиус, объяснялось в нем, распорядился, чтобы мистер Коттедж немедленно взял отпуск и «проехался на север». Лучше всего, сказал врач, не писать писем несколько дней, а то и неделю. Поэтому он не будет писать, разве только в крайнем случае. Отсутствие дурных вестей само по себе добрая весть. Волноваться не о чем, все будет хорошо. Он телеграфирует адрес, как только где-нибудь остановится, однако тревожить его письмами следует только в экстренных случаях.

После этого мистер Коттедж сел за руль с таким ощущением свободы, какого не испытывал со времен первых каникул в первом классе школы. Он повел машину к Грейт-Норт-роуд, но попал в затор на углу Гайд-парка и, подчиняясь жестам регулировщика, повернул в сторону Найтсбриджа. На развилке, где Бат-роуд отходит от Оксфорд-роуд, неповоротливый фургон заставил его свернуть в направлении Бата. Какая разница? Любая дорога куда-нибудь да ведет, повернуть на север никогда не поздно.

3

Стоял улыбчивый солнечный день, типичный для великой засухи 1921 года. Тем не менее духота совершенно не ощущалась, наоборот: воздух дышал свежестью, которая, соединяясь с бодростью мистера Коттеджа, убеждала, что его ожидают приятные приключения. К нему вернулась надежда. Он чувствовал, что отрывается от привычного мира, хотя пока еще не подзревало, насколько, в конце концов, от него отдалится. Остановиться в какой-нибудь гостинице и пообедать – чем не приключение? А если заскучает, то возьмет попутчика и наговорится всласть! Он мог подобрать любого встречного, главное – не возвращаться в Сиденхем и редакцию «Либерала», а в остальном можно ехать куда угодно.

На выезде из Слау его обогнал огромный серый автомобиль с кузовом «фаэтон». Мистер Коттедж вздрогнул от неожиданности и вильнул в сторону. «Фаэтон» беззвучно промчался рядом, и, хотя родстер, если верить почти точному спидометру, шел со скоростью добрых двадцати семи миль в час, проскочил мимо в одно мгновение. Мистер Коттедж успел заметить, что в машине сидят три джентльмена и одна леди. Привстав с мест, они оглядывались назад, словно за ними кто-то гнался. Их машина мчалась слишком быстро, он лишь успел заметить, что леди мгновенно и безоговорочно оставляла впечатление яркой красоты и что сидевший ближе к окну господин похож на пожилого эльфа.

Не успел мистер Коттедж оправиться от первого потрясения, как еще один автомобиль, взревев клаксоном, как ископаемый ящер, дал понять, что родстер снова обгоняют. Ну, это другое дело. Мистеру Коттеджу нравилось, когда его предупреждали при обгоне. Он сбросил скорость, отказался от претензий на звание короля дороги и ободряюще помахал рукой. Большой гладкий скоростной лимузин принял приглашение и воспользовался свободной полосой в тридцать с лишним футов с правой стороны. Автомобиль был изрядно нагружен багажом, но, за исключением молодого джентльмена с моноклем, сидевшего рядом с шофером, других пассажиров не было видно. Лимузин исчез за поворотом, догоняя «фаэтон».

Даже ванночке на колесах не понравится, когда ее бесцеремонно обгоняют ярким солнечным утром на открытом шоссе. Мистер Коттедж надавил на газ и вписался в поворот со скоростью, превышавшей на добрых десять миль ту, с которой он обычно передвигался. Шоссе прямо перед ним было совершенно пустым. И вообще, вся дорога как будто стала чище и уходила вперед прямой линией на треть мили. Слева – низкие, подстриженные живые изгороди, одиночные деревья, ухоженные поля, несколько домиков и тополей в стороне от дороги, вдали – Виндзорский замок. Справа – опять ухоженные поля, маленькая гостиница и низкие, леси-

стые холмы на горизонте. Посреди мирного ландшафта в глаза бросался только рекламный щит отеля на берегу реки в Мейденхеде. Перед щитом над дорогой колебался нагретый воздух и крутились два-три пылевых вихря. И никаких следов серого «фаэтона» и лимузина.

Прежде чем мистер Коттедж осознал сей факт, прошло не меньше двух секунд. Ни одна из двух машин не могла куда-то повернуть – боковые дороги отсутствовали. А если машины успели скрыться за очередным поворотом, то, значит, неслись со скоростью двести-триста миль в час!

Когда мистер Коттедж терялся, то следовал похвальному правилу: не спешить! – поэтому сбавил скорость. Теперь он ехал, может быть, не быстрее пятнадцати миль в час и, разинув рот, шарил взглядом по пустым окрестностям в поисках исчезнувших автомобилей. Как ни странно, у него не было ощущения, что близится опасность.

Внезапно машина как будто на что-то наткнулась и пошла юзом. Занос оказался таким сильным, что на мгновение мистер Коттедж растерялся. Он не мог вспомнить, что делают в таких случаях. В голове что-то мелькнуло насчет необходимости поворачивать руль в сторону заноса, но в волнении он не мог определить, в какую сторону его развернуло.

Позже он припомнил, что услышал какой-то звук: точно такой же издает не выдержавший давления клапан или лопнувшая струна; похожий щелчок слышит человек, теряющий сознание или приходящий в себя под воздействием анестезии.

Машину развернуло в сторону живой изгороди у правой обочины. Желая вернуться на дорогу, мистер Коттедж нажал было на газ, однако сразу сбросил скорость и остановился как громом пораженный.

Он увидел перед собой совершенно другую дорогу, не ту, по которой ехал полминуты назад. Живые изгороди и деревья изменили свой облик, Виндзорский замок вообще исчез, но – как слабое утешение – опять появился большой лимузин. Он стоял в двух сотнях ярдов впереди на обочине.

Глава 2

Красивая дорога

1

Некоторое время внимание мистера Коттеджа неравным образом раздваивалось между лимузином, из которого теперь выходили пассажиры, и окрестностями. Ландшафт выглядел настолько непривычно и красиво, что группа пассажиров впереди проникла в сознание мистера Коттеджа лишь постольку, поскольку, должно быть, не меньше его была в удивлении и в восторге от увиденного и могла бы пролить свет на загадку, рассеяв его растущее и довольно тягостное недоумение.

Дорожное покрытие вместо утрамбованной гальки пополам с грязью, налипшими песком, пылью и экскрементами животных, типичное для залитых битумом шоссе Англии, казалось, было изготовлено из стекла. Местами это стекло было прозрачным, как чистая вода, местами – матовым или перламутровым, с прожилками мягких оттенков или ярко сверкающими на солнце золотыми блестками. В ширину шоссе составляло ярдов двенадцать – пятнадцать. Вдоль обочин тянулись полосы дерна, причем лучшей травы мистеру Коттеджу не доводилось видеть, хотя он был большим любителем и знатоком стрижки газонов. Еще дальше расстилалось широкое поле цветов. По обе стороны от автомобиля, в котором с разинутым ртом сидел мистер Коттедж, поле состояло из незнакомых цветов, похожих на голубые незабудки. Дальше порядок нарушали и постепенно вытесняли голубизну высокие, абсолютно белые метелки. С другой стороны дороги такие же метелки смешивались с массой не менее странных растений, увешанных стручками синего, сиреневого, пурпурного и ярко-алого цветов. За этим великолепным цветочным прибором простиралось море плоских лугов, на которых паслись коровы палевой масти. Три из них, стоявшие поблизости, застигнутые врасплох внезапным появлением мистера Коттеджа, жевали жвачку и смотрели на него с добродушным интересом. Рогами и подгрудками они напоминали скот Южной Европы или Индии. Оторвав взгляд от кротких созданий, мистер Коттедж перевел его на длинную вереницу деревьев, формой напоминавших языки пламени, золотисто-белую колоннаду и заснеженные горные пики вдали. По нестерпимо голубому небу плыли редкие высокие белые облака. Воздух поражал чистотой и ароматом.

Помимо коров и группы людей рядом с лимузином, вокруг не было видно ни одной живой души. Пассажиры лимузина стояли неподвижно и озирались по сторонам. До мистера Коттеджа донеслись раздраженные голоса.

Его заставил обернуться громкий треск за спиной. У самой дороги в направлении, откуда он, по идее, приехал, стоял недавно разрушенный каменный дом. Рядом с домом он увидел две покореженные и будто расщепленные взрывом яблони, между ними поднимался в воздух столб дыма – именно оттуда доносился треск занимавшегося пожара. Вид исковерканных деревьев помог мистеру Коттеджу осознать, что часть цветов на обочине тоже полегла в одном направлении, словно их примяло ураганным ветром, хотя ни взрыва, ни порывов ветра он не слышал.

Постояв с минуту, мистер Коттедж повернулся в поисках ответа к лимузину. Трое из группы пассажиров шли к нему по дороге во главе с высоким стройным седым господином в фетровой шляпе и длиннополом дорожном плаще. На задранном вверх маленьком лице с крохотным носом едва хватало места для позолоченного пенсне. Мистер Коттедж завел двигатель и двинулся им навстречу.

Решив, что подъехал на достаточное, чтобы услышать друг друга, расстояние, он остановил машину и перегнулся через борт «желтой угрозы», приготовившись задать вопрос. В этот момент высокий седой господин первым обратился к нему с таким же вопросом:

– Не могли бы вы сказать, сэр, где мы?

2

– Пять минут назад, – ответил мистер Коттедж, – я бы сказал, что мы едем по шоссе, ведущему в Мейденхед, неподалеку от Слау.

– Именно! – с безапелляционной суровостью воскликнул высокий господин. – Именно! И я настаиваю, что для предположения, будто мы находимся не на Мейденхедском шоссе, а где-то еще, нет никаких причин.

В его тоне прозвучал вызов на полемический поединок.

– Эта дорога *не похожа* на Мейденхедское шоссе, – возразил мистер Коттедж.

– Согласен! Однако из чего мы должны исходить в своих суждениях: из видимости или непрерывности собственного опыта? Мейденхедское шоссе привело нас сюда. Оно является продолжением этого места, а посему я заявляю: эта дорога и есть Мейденхедское шоссе.

– А как же горы?

– Там должен быть Виндзорский замок, – ничуть не смутившись, заявил господин, словно речь шла о размене пешки в гамбите.

– Он там и был пять минут назад.

– Следовательно, горы – это какая-то бутафория, – с победным видом заявил высокий господин, – и мы имеем дело с некой, как сегодня говорят, инсценировкой.

– Декорации, надо сказать, удалась на славу.

Наступила пауза; мистер Коттедж воспользовался ею, чтобы рассмотреть спутников высокого господина. Его самого он прекрасно знал и видел десятки раз на митингах и приемах. Это был мистер Сесил Дюжи, знаменитый лидер консерваторов. Он слыл не только выдающимся политиком, но и образцом для подражания в частной жизни, философом и эрудитом. За спиной мистера Дюжи стоял невысокий, плотно сбитый человек среднего возраста. Врожденное выражение неприязни на его лице еще больше усиливал монокль. Третьего члена маленькой группы мистер Коттедж тоже где-то видел, но пока что не мог вспомнить, где именно. Чисто выбритые округлые пухлые щеки, упитанный вид и специфическое одеяние делали его похожим то ли на священника Высокой церкви, то ли на преуспевающего римско-католического прелата.

Молодой человек с моноклем заговорил срывающимся фальцетом:

– Меньше месяца назад я ездил этим же маршрутом в Тэплоу-Корт. Ничего подобного здесь не было.

– Я признаю, мы столкнулись с трудностями, – с жаром произнес мистер Дюжи. – Даже значительными трудностями. И все же осмелюсь полагать, что мой главный тезис не опровергнут.

– А *вы* как думаете? Эта дорога ведет в Мейденхем? – без обиняков спросил мистера Коттеджа господин с моноклем.

– Для инсценировки слишком уж правдоподобно, – позволил себе усомниться мистер Коттедж.

– Что вы! – воскликнул мистер Дюжи. – *Всем* известно, что рядом с этим шоссе есть много питомников, и селекционеры временами устраивают здесь сногшибательные выставки. Для рекламы-с.

– Тогда почему мы не едем в Тэплоу-Корт? – спросил господин с моноклем.

– Потому что, – отвечал мистер Дюжи с оттенком раздражения, словно повторял общеизвестный факт, который другие упорно не желали признать, – Руперт уверяет, будто мы угодили в какой-то другой мир. И отказывается ехать дальше. Вот почему. Вечно у него фантазия бьет через край. Он считает, что нереальное *может* быть реальным, а теперь вообразил, что он очутился в каком-то научно-фантастическом романе и полностью выпал из нашего мира, перешел в другое измерение. Иногда мне кажется, что для всех было бы полезнее, если бы Руперт писал фантастику, а не жил в ней. И если вы, как его секретарь, сможете убедить его не опоздать в Тэплоу к обеду с людьми из Виндзора... – Мистер Дюжи жестом обозначил мысль, на выражение которой решил не тратить слова.

Мистер Коттедж уже заметил еще одну медлительную, сосредоточенную желтолицую фигуру в сером цилиндре с черной лентой, воспетом карикатуристами, занятую созерцанием пестрой растительности рядом с лимузином. Это был не менее известный персонаж – военный министр Руперт Айдакот.

На этот раз мистер Коттедж не нашел, что возразить неугомонному политику. Это *действительно* был другой мир. Мистер Коттедж вышел из машины и обратился к мистеру Дюжи:

– Полагаю, сэр, мы в достаточной мере прольем свет на происходящее, если осмотрим вот это горящее здание. Мне кажется, я заметил человеческую фигуру, лежащую на склоне позади дома. Если бы получилось поймать одного из шутников...

Он не закончил фразу, потому что ни на секунду не поверил, что их разыграли. За последние пять минут авторитет мистера Дюжи сильно упал в его глазах.

Все четверо мужчин повернулись в сторону дымящихся развалин.

– Очень необычно, что вокруг нет ни одной живой души, – заметил господин с моноклем, ощупывая взглядом горизонт.

– Что ж, я не вижу вреда в том, чтобы осмотреть место пожара, – заявил мистер Дюжи и первым двинулся к разрушенному дому между поломанными деревьями с выражением ученого мужа, готового к открытиям.

Не успели они сделать и дюжины шагов, как их внимание привлек громкий крик ужаса, изданный сидевшей в лимузине женщиной.

3

– Нет, это уже слишком! – воскликнул мистер Дюжи с оттенком неподдельного возмущения. – Куда только полиция смотрит!

– Наверное, сбежал из передвижного зверинца, – предположил господин с моноклем. – Что будем делать?

– Судя по его виду, он совсем ручной, – высказал мнение мистер Коттедж, не делая, однако, попыток проверить свою догадку на практике.

– Но все-таки он способен не на шутку испугать, – сказал мистер Дюжи и, немного повысив голос, крикнул: – Не бойтесь, Стелла! Он, вероятно, ручной и неопасный. Не дразните его своим зонтиком, а то еще бросится. Стел-ла!

«Он» – это леопард с красивыми пятнышками. Зверь бесшумно вышел из цветов и, несмотря на свои размеры, на манер домашней кошки присел на полоске травы рядом с автомобилем. Леопард жмурился и ритмично водил головой по сторонам с выражением озадаченной заинтересованности, в то время как леди, как и принято в таких случаях, быстро-быстро открывала и закрывала свой солнечный зонтик. Шофер спрятался за машиной. Мистер Руперт Айдакот стоял, по колено утопая в цветах, очевидно, застигнутый врасплох криком женщины и заметивший присутствие животного одновременно с мистером Дюжи и его спутниками.

Мистер Айдакот опомнился первым, показав, что он не робкого десятка. Его десяток был одновременно и смелым, и осторожным.

– Перестаньте хлопать парасолью, Стелла, – крикнул он. – Дайте мне его отвлечь.

Министр обошел вокруг машины, чтобы оказаться прямо перед зверем. На мгновение мистер Айдакот застыл на месте, чтобы обозначить себя – решительную фигурку в сером рединготе и цилиндре с черным околышем. Он осторожно протянул руку, стараясь не напугать зверя резким движением, и позвал:

– Кис-кис!

Леопард, успокоенный отсутствием мельтешащего зонтика, уставился на него с живым любопытством. Мистер Айдакот подошел ближе. Зверь вытянул морду и принюхался.

– Было бы прекрасно, если бы он дал себя погладить, – произнес мистер Айдакот, приблизившись к леопарду на расстояние вытянутой руки.

Тот обнюхал протянутую руку с выражением полного недоумения на морде. Затем неожиданно, отчего мистер Айдакот быстро отскочил на несколько шагов, чихнул, потом чихнул еще раз – сильнее прежнего, с упреком взглянул на министра, легко перепрыгнул через цветник и умчался по направлению к золотисто-белой колоннаде. Пасущийся скот, как успел заметить мистер Коттедж, проводил леопарда совершенно равнодушным взглядом.

Мистер Айдакот, стоявший посреди дороги, выпятив грудь, заявил:

– Ни одно животное не в состоянии выдержать пристального человеческого взгляда. Ни одно. Попробуйте разгадать эту загадку, материалисты. Не желаете ли присоединиться к Сесилу, леди Стелла? Похоже, он обнаружил нечто интересное. Хозяин желтого тарантаса, возможно, знает, где мы оказались. А?

Министр помог женщине выйти из машины, и они вдвоем подошли к группе, включавшей в себя мистера Коттеджа и приближавшейся к разрушенному дому.

Глава 3

Красивые люди

1

Пожар в руинах маленького дома не желал разгораться. Теперь от него шло даже меньше дыма, чем в тот момент, когда мистер Коттедж впервые его заметил. Подойдя ближе, они обнаружили среди раскрошенных кирпичей массу искореженных кусков какого-то блестящего металла и осколки битого стекла. Место взрыва наводило на мысль о неудачном эксперименте в научной лаборатории. Но тут все почти одновременно заметили тело, распростертое на траве позади развалин. Оно принадлежало мужчине в расцвете лет и было нагим, за исключением нескольких браслетов, ожерелья и набедренной повязки. Из ноздрей и рта человека текла кровь. С некоторым благоговением мистер Коттедж опустился на колени рядом с лежащим и положил руку ему на грудь. Он никогда прежде не видел человеческую особь, столь безупречно красивую лицом и телом.

– Мертв, – прошептал он.

– Смотрите! – пронзительно вскрикнул человек с моноклем. – Еще один!

Чтобы увидеть вторую жертву, мистеру Коттеджу пришлось подняться и перелезть через груды кирпичей. На этот раз он обнаружил стройную девушку, тоже почти полностью обнаженную. Ее, очевидно, швырнуло взрывом о стену, смерть наступила мгновенно. Хотя затылок девушки был расплюсчен, лицо осталось неповрежденным. Идеальные губы и зеленовато-серые глаза были приоткрыты, в них застыло выражение человека, размышляющего над сложной, но занимательной проблемой. Девушка выглядела не мертвой, а сосредоточившейся. Одна рука все еще сжимала какой-то медный инструмент со стеклянной ручкой. Вторая – бессильно лежала ладонью вниз.

Несколько секунд все молчали, как будто не решались помешать ее задумчивости.

Затем господин, похожий на священника, тихо проговорил:

– Какие совершенные формы!

– Признаю: я ошибался, – неторопливо изрек мистер Дюжи. – Да, ошибался... Это не земные жители. Вне всяких сомнений. Следовательно, мы не на Земле. Я понятия не имею, что произошло и где мы находимся. Я всегда без колебаний готов изменить свое мнение под давлением неопровержимых доказательств. Мир, в котором мы находимся, не наш мир. Он такой... – Мистер Дюжи на мгновение замолчал. – Он такой красивый.

– А виндзорской компании, – сказал мистер Айдакот без тени сожаления, – придется обедать без нас.

– Но если так, – откликнулся господин, напоминающий священника, – в каком мире мы оказались и как сюда попали?

– А этого мое скудное воображение не в силах объяснить, – смиренно произнес мистер Дюжи. – Мы находимся в некоем мире, чрезвычайно похожем на наш, и в то же время чрезвычайно на него непохожем. Он должен каким-то образом быть связанным с нашим миром, иначе бы мы сюда не попали. Однако связь между ними, признаться, представляется мне неразрешимой загадкой. Может быть, мы попали в другое пространственное измерение. От одной мысли об измерениях моя бедная голова идет кругом. Я растерян... растерян...

– Эйнштейн, – лаконично заметил господин с моноклем, явно довольный собой.

– Точно! – воскликнул мистер Дюжи. – Эйнштейн смог бы это объяснить. Или старина Холдейн, напустив липкого тумана гегельянства. Увы, я не Эйнштейн и не Холдейн. Мы очу-

тились в мире, во всех отношениях, в том числе в отношении планов на выходные, заслуживающем название Ни-тут-ни-там. Или, если вам милее древнегреческий, в Утопии. И поскольку я не вижу, как отсюда выбраться, то, как подобает разумным существам, нам следует извлечь из этого максимальную выгоду. Мы не должны упускать свои шансы. Мир этот, несомненно, очень мил. И прелесть его даже превосходит его загадочность. В нем обитают люди, наделенные разумом. На основании разбросанных вокруг обломков я делаю вывод, что обитатели этого мира увлекаются химическими экспериментами, причем настолько, что готовы рисковать до конца, несмотря на то что живут в почти идиллическом окружении. Химия и нагота! Кем бы мы ни считали эту пару, видимо, только что подорвавшую себя, греческими богами или голыми дикарями, – это, осмелюсь признаться, дело личного вкуса. Я склонен считать их греческими богом и богиней.

– Вот только бессмертие обычно не свойственно мертвецам, – съязвил господин с монокулем.

Мистер Дюжи приготовился ответить, и, судя по нахохленному виду, ответ его грозил принять форму отповеди. Вместо этого он издал отрывистое восклицание и обернулся в сторону двух незнакомцев. В тот же момент их увидели все остальные члены группы. В развалинах стояли два нагих аполлона и смотрели на землян с не меньшим изумлением, чем те на них.

Один из них заговорил, и бесконечно потрясенный мистер Коттедж понял, что понимает их речь и что она звучит прямо у него в голове.

– О, красные боги! – воскликнул один из незнакомцев. – Кто эти существа? И как они здесь очутились?

(Он их понимал! Мистер Коттедж удивился бы меньше, если бы незнакомцы обратились к ним на древнегреческом. Однако то, что они владели одним из современных языков, окончательно ввергло его в состояние бесконечного изумления.)

2

Мистер Сесил Дюжи, поддавшийся растерянности меньше всех остальных, провозгласил:

– Наконец-то перед нами забрезжила надежда узнать что-то определенное от разумных, наделенных даром речи существ.

Он откашлялся, длинными нервными пальцами ухватился за отвороты плаща и взял на себя обязанности спикера.

– Господа, мы не в состоянии объяснить, как сюда попали, и озадачены не меньше вас. Вместо своего мира мы внезапно оказались в вашем.

– Вы из другого мира?

– Именно. И довольно непохожего на этот. Там у каждого из нас есть свое естественное, заслуженное место. Мы передвигались по своему миру в... на транспортных средствах, как вдруг попали сюда. Непрошеными гостями, готов признать я, но могу вас заверить: гостями безвинными и лишенными какого-либо злого умысла.

– Значит, вы не знаете, как получилось, что эксперимент Садда и Прудди закончился неудачей, и почему они погибли?

– Если этих двух прекрасных молодых людей зовут Садд и Прудди, то мы ничего о них не знаем: нашли их здесь лежащими, когда пришли с этой дороги, чтобы...

Мистер Дюжи кашлянул, и фраза повисла в воздухе.

Утопиец (с этого момента ради удобства так и будем их называть), вступивший в разговор первым, переглянулся со спутником, словно молча о чем-то его спрашивая, затем опять повернулся к землянам и заговорил. В который раз мистеру Коттеджу показалось, что слова звучат не в его ушах, а прямо в голове.

– Вам и вашим друзьям не следует топтаться на обломках. Лучше возвращайтесь на дорогу. Ступайте за мной. Мой брат погасит пожар и сделает все, что требуется, для наших брата и сестры. Потом это место осмотрят люди, понимающие суть опытов, которые здесь проводились.

– Мы всемерно полагаемся на ваше гостеприимство, – сказал мистер Дюжи. – И полностью к вашим услугам. Эта встреча, осмелюсь напомнить, произошла не по нашей воле.

– Хотя нам следовало бы искать ее, знай мы, что она возможна, – заметил мистер Айдакот, не обращая ни к кому конкретно и глядя на мистера Коттеджа словно в поисках одобрения. – Ваш мир выглядит в наших глазах невероятно прелестным.

– Да, это необычайно прелестный мир. На первый взгляд, – подтвердил господин с моноклем.

Когда они возвращались через заросли цветов к дороге, ведомые утопийцем и мистером Дюжи, мистер Коттедж услышал рядом с собой шелест юбок леди Стеллы. Учитывая происходящие вокруг чудеса в решетке, ее тон удивил его своей безмятежностью и непробиваемой заурядностью:

– Мы не встречались раньше на каком-нибудь банкете или где-то еще, мистер... мистер...

– Коттедж.

– Мистер Коттедж?

Его мысли перестали витать в облаках.

– Я не имел этого удовольствия, леди Стелла. Хотя я вас знаю и даже очень хорошо помню по снимкам в еженедельных иллюстрированных изданиях.

– Вы слышали, что сказал Сесил? Что это Утопия?

– Он сказал, что это *похоже* на Утопию.

– И вы туда же. Так Утопия это или нет? Настоящая Утопия? Я всегда мечтала побывать в Утопии, – продолжала леди Стелла, не дожидаясь ответа. – Как прекрасно выглядят эти двое молодых утопийцев! Хотя они одеты несколько не по форме, наверняка принадлежат к местной аристократии. Или как раз поэтому.

Мистеру Коттеджу пришла в голову удачная мысль.

– Я также узнал мистера Дюжи и мистера Руперта Айдакота, леди Стелла, но был бы рад, если бы вы сказали, кто этот молодой господин с моноклем и второй рядом с ним, с повадками священника. Они идут сзади нас.

Леди Стелла сообщила нужные сведения милым доверительным шепотом:

– Тот, что с моноклем, – Фредди Соппли, с двумя «п». Человек отменного вкуса. Умеет открывать молодых поэтов и обдѣлывать всякие литературные дела. Служит у Руперта секретарем. О нем говорят: если бы существовала академия словесности, он был бы ее членом-корреспондентом. Ужасный критикан и язва. Мы направлялись в Тэплоу, чтобы провести идеальный уикенд в кругу интеллектуалов, как в добрые старые времена. Разумеется, после того, как уедут люди из Виндзора... Туда должны были приехать мистер Отрепье, Макс Дринкбир и тому подобный народ. В наше время постоянно что-то происходит. Постоянно... Неожиданных сюрпризов стало слишком много... Тот, что с колораткой, – леди Стелла оглянулась проверить, не слышит ли ее господин, о котором она говорила, – отец Камертонг. Постоянно клеймит грехи общества и все такое. Странно: вне кафедры он тих и застенчив, вилки с ложками и те у него из рук падают. Парадокс, да и только, не находите?

– Ну конечно! – воскликнул мистер Коттедж. – Лицо-то знакомое, просто не мог припомнить, где я его видел. Премного вам благодарен, леди Стелла.

3

Пребывание в компании известных публичных фигур и особенно леди Стеллы вселило в мистера Коттеджа немалую уверенность. Ему передано воодушевление леди Стеллы: она многое сохранила в себе от доброго старого мира и с азартом намеревалась при первой же возможности навязать его правила новому миру. Ей удалось отразить натиск очарования и красоты, в которых мистер Коттедж едва не утонул с головой. Встреча с леди и ее спутниками была рядовой для человека его положения, но в то же время важным событием, которое помогло перекинуть мостик через бездну изумления, отделявшую повседневную рутину от будоражащего воображение вида Утопии. Компания спутников приземлила и, если можно так выразиться, *притупила* великолепный облик Утопии до уровня абсолютной вероятности, так что об окружении теперь можно было рассуждать устами леди Стеллы и мистера Дюжи и придирчиво смотреть на него через монокль мистера Фредди Соппли. Благодаря их присутствию событие попало в разряд тех, о каких пишут в газетах. Окажись мистер Коттедж в Утопии один, он мог бы впасть в благоговейный восторг и даже тронуться рассудком. Теперь вследствие вмешательства мистера Дюжи разум мистера Коттеджа спокойно воспринимал облик смуглого божества, с которым сейчас разговаривал политик.

И все-таки стоило мистеру Коттеджу перевести взгляд с людей, приехавших на лимузине, на чужой величественный мир, в котором все они ненароком оказались, как у него захватывало дыхание. Какими должны быть люди этого мира, чтобы цветы могли свободно расти, не вступая в борьбу с сорняками, а леопарды, лишенные кошачьего коварства, приветливо заглядывали в глаза прохожих?

Удивительно и то, что первыми попавшимися им обитателями этого мира покоренной природы оказались мертвые юноша и девушка, погибшие в результате неизвестного рискованного опыта. Еще более поражало, что вторая пара местных жителей, назвавшихся братьями погибших, выказывала так мало скорби или уныния перед лицом трагедии. Никаких эмоций, оцепенения или слез. Они выглядели скорее озадаченными и заинтригованными, чем испуганными и огорченными.

Утопиец вынес из развалин тело девушки и положил рядом с ее товарищем. Мистер Коттедж отметил про себя, что он вернулся обратно в развалины, чтобы рассмотреть оставленные неудачным экспериментом обломки.

К месту происшествия приближались новые утопийцы. В этом мире существовали аэропланы. На соседний луг села пара небольших, быстрых и бесшумных, как ласточки, летательных аппаратов. Еще один человек приехал по дороге на устройстве с двумя колесами и двумя сиденьями; колеса были расположены одно за другим, как у велосипеда. Это средство транспорта было легче и аккуратнее любого земного автомобиля и удивительным образом сохраняло равновесие даже в состоянии покоя. Внимание мистера Коттеджа отвлек дружный смех на шоссе: группа утопийцев, очевидно, обнаружила нечто очень забавное под капотом лимузина. Большинство были одеты так же скупно и сложены так же прекрасно, как двое погибших экспериментаторов, однако один или два явились в больших соломенных шляпах, а женщина постарше, лет за тридцать, была одета в белый балахон с ярко-красной каймой. Она и мистер Дюжи обменивались вопросами.

Хотя женщина стояла в двух десятках шагов, ее слова проникали в мозг мистера Коттеджа с невероятной отчетливостью.

— Мы пока не знаем, как ваше появление в нашем мире связано с недавним взрывом, если такая связь вообще существует. Мы намерены изучить оба этих вопроса. Мне кажется, лучше будет доставить вас и все ваши вещи в удобное место, где можно спокойно побеседовать. Здесь

недалеко. Мы организуем машины для доставки. Если хотите, вас там покормят. Только я не знаю, когда вы обычно принимаете пищу.

– Подкрепиться, – подхватил идею мистер Дюжи, – никогда не мешает. По правде говоря, если бы мы вдруг не провалились в ваш мир, к этому времени мы бы сидели за столом и обедали в великолепной компании.

«Тут такие чудеса, а он про обед, – подумал мистер Коттедж. – Впрочем, человек вынужден есть, сколько бы чудес его ни окружало». Он вдруг осознал, что очень проголодался и что сам воздух этого места вызывал острый аппетит.

Утопийку явно озадачило предположение мистера Дюжи.

– Вы едите по несколько раз в день? И что именно?

– Вот те на! Только не говорите мне, что они вегетарианцы! – возмущенно вскричал мистер Соппли, роняя монокль.

Путники действительно проголодались. Это было заметно по их лицам.

– Мы все привыкли питаться по несколько раз в день, – сообщил мистер Дюжи. – Возможно, нам следовало бы представить краткое описание нашего рациона. Он, вероятно, отличается от вашего. Как правило, мы начинаем с обычной чашки чая и тонюсенького ломтика хлеба с маслом, которые подают в постель. Потом завтрак...

Мистер Дюжи искусно описал свой ежедневный гастрономический график, четко и аппетитно изложив особенности английского завтрака: яйца варить ровно четыре с половиной минуты – не больше и не меньше, обедать следует с легким вином любого сорта, чаепитие – скорее общественное мероприятие, чем серьезная трапеза; подробно остановился на ужине и мимоходом – на перекусе перед сном. Его монолог сделал бы честь выступлению в палате общин. Выдержанная в легких, даже игривых тонах, речь была не лишена налета серьезности.

Женщина-утопийка, взиравшая на собеседника с растущим интересом, спросила:

– Вы все питаетесь таким же образом?

Мистер Дюжи окинул взглядом своих спутников.

– Я не могу ответить за мистера... мистера...

– Коттедж моя фамилия. Да, я питаюсь точно так же.

По непонятной причине утопийка улыбнулась ему. У нее были прелестные карие глаза, и хотя улыбка ему понравилась, было в ней что-то настораживающее.

– Вы спите?

– От шести до десяти часов – по обстоятельствам, – сказал мистер Дюжи.

– И вы практикуете секс?

Вопрос ошарашил и до определенной степени шокировал землян. Куда она клонит? На секунду все лишились дара речи. В голове мистера Коттеджа завертелись странные предположения.

Наконец смущенное молчание нарушил мистер Дюжи, наделенный тонким умом и увертливостью современного государственного деятеля:

– Не все время, уверяю вас. Не все время.

Женщина в балахоне с красной каймой на мгновение задумалась, после чего ее губы тронула улыбка.

– Мы должны отвезти вас в подходящее место, где могли бы все это обсудить. Вы явно из другого, очень странного мира. Наши ученые должны встретиться с вами и обменяться сведениями.

4

В половине одиннадцатого мистер Коттедж проезжал по главной улице Слау, а в половине второго парил над чудо-страной, едва ли не позабыв о своем мире, и то и дело повторял:

– Изумительно, просто изумительно. Я знал, что прекрасно проведу отпуск, но *это!*..

Он ощущал яркую безоблачную радость, какая бывает только в счастливых снах. Ему никогда прежде не доводилось испытывать восторг первооткрывателя новых земель, он даже не надеялся когда-либо его испытать. Всего пару недель назад он написал для «Либерала» статью, в которой сокрушался по поводу «конца эпохи великих открытий» с таким основательным и беспросветным пессимизмом, что несказанно угодил мистеру Стону. При воспоминании об этом опусе мистер Коттедж теперь ощущал смутные угрызения совести.

Группу землян рассадили по четырем маленьким аэропланам. Когда мистер Коттедж и его сосед отец Камертонг взмыли в воздух и оглянулись назад, то увидели, как их автомобили и багаж с поразительной быстротой поднимают в кузов двух легких грузовиков. Каждый грузовик выпустил пару сверкающих захватов и подхватил ими автомобиль – так няня берет дитя из колыбели.

По земным нормам безопасности полетов пилот вел аэроплан слишком низко над землей, а временами, вместо того чтобы подняться над деревьями, пролетал между стволами. Без привычки это неприятно щекотало нервы, зато позволяло как следует рассмотреть ландшафт. В самом начале пути тянулись огороды и пастбища с пасущимся скотом палевой масти, перемежающиеся участками с растениями совершенно незнакомого вида и сногсшибательной окраски. Через эти насаждения пролегли узкие тропы то ли для пешехов, то ли для «велосипедистов». Время от времени на глаза попадались шоссе с цветами и фруктовыми деревьями на обочинах.

Домов было мало, и размеры их сильно рознились – от маленьких, отдельно стоящих построек, которые мистер Коттедж принял за летние дачи или небольшие храмы, до скоплений крыш и башенок, напоминавших сельские усадьбы или крупные фермерские хозяйства. Кое-где люди работали в поле, шли пешком или ехали на машинах по дорогам, но в целом новый мир выглядел крайне малонаселенным.

Вскоре выяснилось, что аэропланы нацелились пересечь заснеженный горный хребет, который так неожиданно вытеснил из ландшафта далекий Виндзорский замок.

Ближе к горам зелень пастбищ сменилась золотом хлебных полей, разнообразие культур стало более заметным. На солнечных склонах гор мелькали хорошо узнаваемые виноградники, количество работников и жилищ заметно увеличилось. Небольшая эскадрилья аэропланов пролетела над широкой долиной к перевалу, и глазам открылся горный пейзаж. Сначала каштановые леса и, наконец, сосновые. Горные потоки текли, проходя через турбины циклопических размеров, мимо длинных низких зданий со множеством окон, очевидно, имевших какое-то промышленное назначение. К перевалу вело идеально ровное шоссе с захватывающими дух, ажурно легкими виадуками. В горах, как показалось мистеру Коттеджу, обитало больше людей, чем на равнине, но все равно намного меньше, чем в сельской местности любой части Земли.

Аэроплан еще минут десять летел над каменистой пустыней, окаймленной с левой стороны снежными полями большого ледника, прежде чем снизиться в высокогорной долине, где и находилось пресловутое Место совещаний. Им служил один из уступов, вырубленных в скалах настолько искусно, что они казались естественным продолжением горы. Терраса примыкала к большому рукотворному озеру. Путь воде, не давая ей низвергнуться в нижнюю часть впадины, преграждала гигантская плотина. С равномерными промежутками вдоль плотины были установлены высокие каменные столбы, смутно напоминавшие сидящие фигуры. Впереди маячила равнина, напоминавшая долину реки По. Когда аэроплан начал снижаться, ее заслонила плотина.

На уступах, особенно нижних, группами и целыми гроздьями лепились похожие на бутоны цветов дома, различались дорожки, лесенки и бассейны, как если бы постройки были частью паркового ансамбля.

Аэропланы легко опустились на широкую лужайку. Совсем рядом находилось нависавшее над водами озера изящное шале, к которому была привязана целая флотилия пестрых лодок.

Первым внимание мистера Коттеджа на отсутствие деревень обратил отец Камертонг. Он же заметил, что не увидел ни одной церкви, шпиля или колокольни. Мистер Коттедж про себя решил, что храмы или алтари могли находиться в зданиях поменьше.

– Возможно, здешняя религия приняла иные формы, – ответил он.

– А как мало здесь грудных и маленьких детей! – воскликнул отец Камертонг. – Я не увидел ни одной матери с ребенком.

– По ту сторону гор было место, похожее на крупный школьный стадион. Там играли дети под присмотром одного-двух старших, одетых в белое.

– Их я видел. Но я говорю о младенцах. Вы только сравните это с тем, что можно наблюдать в Италии. Столько прекрасных, привлекательных молодых женщин, – прибавил преподобный отец, – о-очень привлекательных, и ни одного ребенка!

Пилот, загорелый блондин с голубыми глазами, помог пассажирам сойти на землю, и они остановились, наблюдая, как выходят из аэропланов другие члены группы. Мистер Коттедж с удивлением поймал себя на мысли, как быстро он привык к гармонии и краскам нового мира. Теперь наиболее странными ему казались уже фигуры и костюмы его спутников. Хорошо известный серый цилиндр мистера Айдакота, нелепый монокль мистера Соппли, нескладная долговязость мистера Дюжи, затянута в кожу квадратная фигура его шофера казались ему более неуместными, чем изящная нагота утопийцев. Любопытство и веселое удивление пилота лишь подчеркивали странный вид спутников в глазах мистера Коттеджа. И тут на него нахлынула волна глубочайшего сомнения.

– Похоже, что это *настоящая* реальность! – сказал он отцу Камертонгу.

– Настоящая? А что это, по-вашему, если не реальность?

– Я хочу сказать, что это нам не приснилось.

– Разве нам двоим может присниться один и тот же сон?

– Нет, но здесь есть совершенно невозможные вещи. Совершенно.

– Например?

– Как эти люди могут разговаривать с нами на английском, да еще на современном английском?

– Об этом я не подумал. Действительно странно. Причем друг с другом они на английском не говорят.

Мистер Коттедж посмотрел на отца Камертонга круглыми от удивления глазами, пораженный открытием еще более невероятного факта, и сказал:

– Они вообще не разговаривают друг с другом – ни на каком языке. А мы заметили это только сейчас!

Глава 4

На сюжет отбрасывает тень Эйнштейн, но быстро проходит мимо

1

За исключением того поразительного факта, что все утопийцы, очевидно, владели английским языком как родным, мистер Коттедж не мог найти в картине нового мира никаких изъянов, она раскрывалась с логичностью, какой он не мог припомнить ни за одним из своих сновидений. Картина эта была настолько связной и упорядоченной, что ему все больше казалось, будто они прибыли не в какой-то непонятный мир, а в чрезвычайно цивилизованную чужую страну.

Под руководством кареглазой женщины в белом балахоне с красной каймой землян с отменным гостеприимством разместили в удобных жилищах рядом с Местом совещаний. Пять-шесть юношей и девушек с готовностью посвятили незнакомцев в тонкости утопийского быта. В каждой из индивидуальных построек, которые им выделили, имелась сносная гардеробная комната; кровать с тончайшими простынями и легкими пушистыми одеялами стояла в открытой лоджии, на вкус леди Стеллы слишком открытой. Впрочем, в конце концов, и она признала:

– Здесь не чувствуешь себя в опасности.

Привезли багаж, саквояжи раздали владельцам, словно все происходило в каком-нибудь гостеприимном земном поместье.

И все-таки леди Стелле пришлось выставить из комнаты двух не в меру услужливых юнцов, прежде чем она смогла открыть свой дорожный несесер и освежить цвет лица.

Через несколько минут всех привлекли взрывы дикого хохота и звуки шутилой возни, доносившиеся из покоев леди Стеллы. Оставшаяся с ней в комнате девушка проявила типично женский интерес к снаряжению леди Стеллы и обнаружила очаровательную прозрачную ночную сорочку. По какой-то загадочной причине юная утопийка нашла интимную грацию этого наряда невероятно забавной, и леди Стелле потребовалось немало усилий, чтобы не позволить девушке нацепить сорочку и, пританцовывая, не выйти в ней наружу.

– Тогда сами наденьте, – потребовала девушка.

– Как вы не понимаете, – возмутилась леди Стелла. – Эта вещь почти *священна!* Ее никто *никогда* не должен видеть.

– Но почему? – безмерно удивилась утопийка.

Леди Стелла не смогла ответить.

Поданные вскоре легкие закуски по земным стандартам вполне заслуживали похвалы. Тревоги мистера Соппли оказались совершенно беспочвенными: им принесли курятину, ветчину и прекрасный мясной паштет, в придачу довольно грубый, но приятный на вкус хлеб, сливочное масло без примесей, изысканный салат, фрукты, сыр, напоминающий грюйер, и легкое белое вино, которое мистер Дюжи оценил с некоторым удивлением:

– Ничем не уступает мозельскому.

– Значит, наша еда похожа на вашу? – спросила женщина в белом балахоне с красной каймой.

– Отменное кафефтво, – произнес мистер Соппли с набитым ртом.

– Пища мало поменялась за последние три тысячи лет. Все вкусняшки люди обнаружили еще до Последней эпохи смятения.

– Это слишком реально, чтобы быть реальностью, – пробормотал себе под нос мистер Коттедж. – Слишком реально...

Он посмотрел на спутников – все, пребывая в приподнятом настроении, с аппетитом уплетали угощение. Если бы не та абсурдная четкость, с которой английские слова, произносимые утопийцами, молотками стучали в голове мистера Коттеджа, он ни капли не усомнился бы в реальности происходящего.

За каменным столом без скатерти никто не прислуживал. Женщина в белом с красным балахоне и два пилота ели вместе с гостями, которые сами передавали друг другу блюда. Шофер мистера Дюжи смутился и хотел улизнуть за другой стол, но великий трибун его успокоил:

– Садитесь здесь, Хек, рядом с мистером Соппли.

На большой веранде с колоннами, где стояли столы, появлялись другие утопийцы, бросали на землян приветливые взгляды, улыбались, но никто никого не представлял и не делал никаких церемоний.

– Это чрезвычайно обнадеживает, – заметил мистер Дюжи. – Чрезвычайно. Должен сказать, здешние персики будут получше чатсуортских. Мой дорогой Руперт, не сливки ли это перед вами в коричневом кувшинчике?.. Я так и подумал. Не могли бы вы передать?.. Спасибо.

2

Несколько утопийцев назвали землянам свои имена. Их голоса звучали одинаково и четко, как печатный текст. Кареглазую женщину звали Лихнис. Мужчина с бородой, которому, на взгляд мистера Коттеджа, можно было дать лет сорок, назвался то ли Грунтом, то ли Адамом, то ли Адомом¹. Но несмотря на четкость произношения имя было очень трудно разобрать, как если бы набранный крупным шрифтом печатный текст вдруг *завибрировал*. Грунт сообщил, что изучает этнологию и историю и намерен узнать о мире землян как можно больше. Он приятно удивил мистера Коттеджа, напомнив ему скорее земного банкира или владельца крупной газеты, чем обыкновенного затурканного ученого современности. Еще один из хозяев, по имени Серпентин, неожиданно тоже оказался, несмотря на почти властную осанку, ученым. Он назвал себя словами, смысл которых мистер Коттедж не уловил: что-то вроде «атомный механик», но, возможно, и «молекулярный химик». В этот момент мистер Дюжи пробормотал мистеру Соппли:

– Кажется, он сказал «физикохимик»?

– Я услышал, что он назвал себя просто материалистом, – возразил мистер Соппли.

– А по-моему, он сообщил, что занимается взвешиванием, – сказала леди Стелла.

– У них странные интонации, – заметил мистер Дюжи. – Звуки то громкие до неприличия, то совершенно пропадают.

Когда с едой было покончено, вся компания перешла в другое небольшое здание, явно предназначенное для лекций и дискуссий. В полукруглой апсиде был установлен ряд белых дощечек, на которых, вероятно, как на школьной доске, писал во время занятий лектор. На мраморном цоколе на удобной высоте лежали черные и цветные карандаши с тряпками. Лектор мог переходить от одной дощечки к другой, не покидая апсиду. Лихнис, Грунт, Серпентин и земляне расселись на полукруглой скамье ниже возвышения для лектора. Места перед ними хватало для восьмидесяти – ста сидящих. Все скамьи теперь были заняты, несколько живописных групп утопийцев стояли в отдалении на фоне кустов, напоминавших рододендроны, между которыми просвечивала лужайка, спускающаяся к сверкающим водам озера.

---

¹ Герберт Уэллс обыгрывает имена героев: имя Адам имеет общий корень с еврейским словом (адом), что означает «земля» или «грунт». – *Здесь и далее примеч. пер.*

Местные жители, видимо, вознамерились обсудить невероятное вторжение в их мир. Что могло быть разумнее? И что фантастичнее и невероятнее?

– Странно, но я не вижу здесь ласточек, – неожиданно шепнул мистер Соппли на ухо мистеру Коттеджу. – Интересно, почему их здесь нет?

Мистер Коттедж перевел взгляд на небо и заметил:

– Мошек с мухами, похоже, тоже нет.

Как это он до сих пор не заметил отсутствие ласточек – уму не постижимо...

– Тсс! – прошипела леди Стелла. – Начинают.

3

Невероятное совещание началось. Первым выступил Серпентин: встал перед собравшимися и вроде бы произнес речь. Во всяком случае, губы шевелились, жесты помогали словам, мимика следовала за высказываниями. И все же мистер Коттедж не мог избавиться от ощущения, что оратор вообще не говорил. Происходило нечто странное. Сказанное то отчетливо звучало в голове мистера Коттеджа, то расплывалось и ускользало, как предмет на дне водоема, на который приходилось смотреть сквозь рябь на воде. Подчас, несмотря на то что Серпентин двигал изящными руками и поворачивался к слушателям, возникали моменты абсолютного безмолвия, словно мистер Коттедж на короткое время лишился слуха. Тем не менее речь утопийца оказалась стройной и завладела его вниманием.

Серпентин подходил к делу как человек, стремящийся объяснить коварный вопрос со всей возможной простотой, говорил четко, с расстановкой, словно излагал тезисы.

– Давно известно, – начал он, – что вероятное количество измерений, как и вероятное количество всего, что поддается учету, бесконечно!

Мистер Коттедж уловил мысль, однако мистеру Фредди Соппли она оказалась не по зубам, и он воскликнул:

– О господи! Измерения!

От возмущения он аж монокль выронил и перестал слушать.

– В практическом смысле, – продолжал Серпентин, – конкретная вселенная, конкретная система явлений, в которой мы находимся и частью которой являемся, может рассматриваться как вселенная, существующая в трехмерном пространстве и претерпевающая изменения, которые, по сути, есть протяженность в четвертом измерении – времени. Такая система явлений неизбежно является гравитационной.

– Э? – воскликнул мистер Дюжи. – Прошу прощения! Я не вижу в этом никакой связи.

Очевидно, он тоже следил за выступлением.

– Любая вселенная, имеющая временную протяженность, неизбежно обладает гравитацией, – повторил свою мысль Серпентин, как если бы приводил общеизвестный факт.

Немного поразмыслив, мистер Дюжи сказал:

– Сколько бы ни пытался, я по-прежнему не вижу, как это связано между собой.

– Это просто факт, – сказал Серпентин, на секунду остановив на нем взгляд, и продолжил речь: – Наш разум развивался на основе практического восприятия, и только с помощью небывалых усилий и последовательного анализа удалось понять, что вселенная, в которой мы живем, не только имеет протяженность, но и немного искривлена и цепляется за несколько других неведомых пространственных измерений. Она вышла за пределы трех основных измерений и проникла в другие. Точно так же лист бумаги, который практически имеет только два измерения, может обрести третье, если его согнуть или скомкать.

– Видимо, я оглохла, – произнесла леди Стелла громким сценическим шепотом. – Я ни слова не могу разобрать.

– Я тоже, – поддержал ее отец Камертонг.

Мистер Коттедж успокоил несчастных жестом, не отрывая глаз от лица Серпентина. Чтобы не потерять нить рассуждений, мистеру Коттеджу пришлось сдвинуть брови и вцепиться скрюченными пальцами в свои колени.

Он слышал. Действительно слышал!

Серпентин объяснил, что двухмерные вселенные могут в любом количестве находиться в трехмерном пространстве рядом друг с другом, подобно листам в стопке бумаги. Точно так же многомерное пространство, которое плохо устроенный для понимания этого феномена человеческий разум только-только начинает мучительно постигать, может вмещать в себя бесконечное количество трехмерных вселенных, находящихся рядом друг с другом и совершающих более или менее параллельное движение во времени. В своих теоретических трудах Глыб и Кефал давным-давно подвели солидную основу под уверенность в существовании большого количества подобных пространственно-временных вселенных, параллельных друг другу и близко, но не в точности похожих друг на друга, как бывают похожи страницы одной и той же книги. Все они обладают протяженностью и представляют собой гравитационные системы.

Мистер Дюжи покачал головой, давая понять, что по-прежнему не видит связи.

– Чем они ближе, тем больше похожи друг на друга. И вот нам представилась возможность узнать, насколько велико это сходство. Опыт полностью удался благодаря гениальной попытке Садда и Прудди использовать (неразборчиво) силу давления атома и отклонить часть материальной вселенной Утопии в другое измерение, измерение F, в которое Утопия, как давно известно, проникает, быть может, на длину человеческой руки, – отклонить участок утопийской материальной вселенной, как отворяют створку ворот на петлях. Створка ворот вернулась на место вместе с облаком духоты, пыльным вихрем и, к невообразимому удивлению жителей Утопии, с тремя группами гостей из неведомого мира.

– Тремя? – с сомнением прошептал мистер Коттедж. – Он сказал «с тремя»?

Серпентин не обратил внимания на шепот.

– Наши брат и сестра погибли вследствие неожиданного выброса энергии, но их эксперимент открыл путь, который навсегда останется открытым: из нынешнего ограниченного пространства Утопии в целый ряд вселенных, о существовании которых мы доселе не подозревали. Причем они совсем рядом. Как много веков назад, образно заметил Глыб, эти вселенные к нам ближе, чем кровь в нашем сердце.

– Осязаемы больше, чем дыхание, и ближе, чем руки и ноги, – переврал оратора внезапно очнувшийся от дремы отец Камертонг. – О чем он? Я никак не вникну в суть.

– ...мы открыли другую планету, такого же размера, как наша, если судить по габаритам ее обитателей, вращающуюся, как можно уверенно предположить, вокруг такого же солнца, какое мы видим в нашем небе, планету, обитаемую и медленно покоряемую разумными существами, чья эволюция протекала практически в таких же условиях, как у нас. Эта вселенная – побратим, насколько можно судить по внешним проявлениям, немного отстаёт по времени от нашей. Своей одеждой и внешностью гости напоминают наших далеких предков Последней эпохи смятения.

Мы пока не можем утверждать, что их история в точности параллельна нашей. Две частицы материи, или две волны, никогда не бывают идентичными. Сколько бы у Бога ни существовало измерений бытия и вселенных, точных повторений нет и не может быть. Это, как мы теперь хорошо знаем, просто невозможно. И все-таки мир, который вы называете Землей, поразительно близок нашей вселенной и похож на нее.

Мы готовы перенять сведения у вас, землян, чтобы на вашем опыте понять нашу собственную, далеко не полностью изученную историю, готовы показать вам, что знаем мы сами, наметить возможное и желаемое содержание обмена между обитателями наших планет. Мы совсем недавно вступили на путь познания. Пока что мы мало чего постигли, помимо осозна-

ния необъятности того, что нам еще предстоит узнать и совершить. Наши два мира, возможно, могли бы подсказать друг другу, как решить миллион похожих проблем.

Возможно, в вашем мире есть ветви наследственности, которые так и не развились либо вымерли. Возможно, есть какие-нибудь элементы и минералы, которых много в одном мире и не хватает в другом. Структура ваших атомов... Наши виды могут породниться путем брака... Дать новый толчок развитию...

Слова перестали звучать ровно в тот момент, когда мистер Коттедж был больше всего растроган и весь обратился во внимание, но и глухому было понятно, что оратор не закончил свою речь.

Мистер Коттедж переглянулся с мистером Рупертом Айдакотом и увидел на его лице такое же выражение: он был явно ошарашен и расстроен. Отец Камертонг вообще спрятал лицо в ладонях. Леди Стелла и мистер Соппли тихо перешептывались, давным-давно даже перестав делать вид, что слушают.

– Таково, – неожиданно вновь прорезался голос Серпентина, – наше первое приблизительное объяснение причин вашего появления в нашем мире и возможностей взаимодействия. Я постарался изложить наши соображения как можно более простым языком. А теперь я хотел бы предложить, чтобы один из вас таким же простым и понятным языком рассказал, какие сведения о вашем мире и его отношении к нашему вы сами считаете верными.

Глава 5

Система управления и история Утопии

1

Возникла пауза. Земляне переглянулись, потом дружно остановили взгляды на мистере Сесиле Дюжи. Государственный муж притворился, будто не понимает, чего от него хотят, и предложил:

- Руперт, может, вы?
- Я пока воздержусь от комментариев, – возразил тот.
- Отец Камертонг, лучше вы: вам не привыкать к общению с потусторонними мирами.
- Нет, только после вас, Сесил.
- Но что я им скажу?
- То, что вы о них думаете, – предложил мистер Коттедж.
- Именно, – подхватил мистер Айдакот. – Скажите им, что вы о них думаете.

Никто другой, похоже, на роль спикера не подходил. Мистер Дюжи медленно поднялся и с задумчивым видом вышел в центр полукруга. Взявшись за отвороты плаща и опустив голову, он замер на несколько секунд, словно взвешивая слова, которые собирался произнести.

– Мистер Серпентин, – наконец начал он с выражением искренности на лице, устремив взгляд через очки на голубое небо над далеким озером, – леди и джентльмены.

Похоже, он вознамерился разразиться целой речью, как на званом застолье Лиги подснежника где-нибудь в Женеве. Идея нелепая, но что еще ему оставалось?

– Я должен сделать признание, сэр: хоть и не впервые выступаю перед большой аудиторией, на сей раз несколько растерян. Ваше восхитительное выступление, сэр, такое простое, яркое, лаконичное и временами достигавшее высот неподдельного красноречия, послужит для меня эталоном, которому я вряд ли смогу последовать и с которым, без ложной скромности, не возьмусь соревноваться. Вы просите как можно яснее и понятнее сообщить сведения, известные нам о родственном вашему миру, откуда нас забросило к вам без какого-либо умысла с нашей стороны. Мое скромное разумение и недостаточная способность обсуждать столь туманные вопросы не позволяют мне чем-то дополнить или улучшить ваше восхитительное изложение математических аспектов проблемы. То, что вы нам тут рассказали, отвечает наиболее передовым и рафинированным представлениям земной науки и, по сути, далеко их превосходит. Я вынужден признать, что по некоторым вопросам, например о связи между временем и гравитацией, мой разум отказывается следовать за вами, но не потому, что я положительно не согласен с вами, а из-за недостатка знаний. Что касается более широкого взгляда на проблему, то между нами определенно нет противоречий. Мы безоговорочно принимаем ваше предположение, что мы обитатели параллельного мира, который является побратимом вашего мира и поразительно похож на вашу планету, даже если принимать во внимание обнаруженные нами отличия. Мы находим разумным и готовы полностью принять ваш взгляд на нашу систему как, вероятно, менее зрелую и остепенившуюся под влиянием времени и отстающую, быть может, в своем опыте на сотни, если не на тысячи лет от вашей. Принимая это в расчет, сэр, в нашем отношении к вам неизбежно проявляется некоторая застенчивость. Так как вы для нас старшие, нам пристало учиться, а не поучать. Это нам следует задать вопросы: что вы свершили, чего достигли? – а не показывать с безыскусным апломбом, насколько мы от вас отстали и как много нам еще предстоит узнать.

– Нет! – воскликнул мистер Коттедж вслух, думая, что говорит про себя. – Это и вправду сон. Если бы так говорил кто-то другой...

Он протер кулаками глаза и вновь открыл их – рядом с ним в окружении обитателей Олимпа по-прежнему сидел мистер Соппли. А мистер Дюжи, этот отъявленный скептик, ничему не верящий и ничему не удивляющийся, стоял, подавшись вперед, на носках и все говорил и говорил с уверенностью оратора, произнесшего на своем веку десять тысяч речей. С такой же уверенностью в себе он мог бы выступать в лондонской ратуше. И его понимали! Но ведь это абсурд!

Оставалось лишь смириться с этой колоссальной несуразностью, тихо сидеть и слушать. Время от времени мысли мистера Коттеджа далеко уносились от того, о чем говорил оратор. Потом снова возвращались, отчаянно пытаясь уследить за ходом выступления. В своей размеренной, парламентской манере, теребя пенсне или держась за отвороты плаща, мистер Дюжи читал утопийцам краткий курс земной истории, стараясь говорить просто, ярко и логично, рассказывал о государствах и империях, о войнах, и в частности о Первой мировой, об организованности и дезорганизации экономики, революциях и большевизме, угрозе страшного голода в России, о том, как трудно подобрать честных людей на государственные посты и как часто сует палки в колеса пресса, – короче, о мрачном, сумбурном лицедействе, которое представляла собой жизнь человечества. Серпентин использовал в своей речи термин «Последняя эпоха смятения», мистер Дюжи тоже подхватил его, применяя на разные лады.

Ораторский экспромт удался на славу. Он продолжался около часа, утопийцы слушали с напряженным вниманием, время от времени кивками выражая одобрение или понимание сказанного.

– Очень похоже, – эхом прозвучало в голове мистера Коттеджа. – С нами тоже так было в Последнюю эпоху смятения.

Наконец мистер Дюжи с уверенностью бывалого парламентского трибуна подвел речь к концу и поблагодарил публику за внимание и отвесил поклон. Речь была закончена. Мистер Соппли заставил всех вздрогнуть, громко захлопав в ладоши, но его никто не поддержал.

Мистер Коттедж не в силах выдержать напряжение, терзавшее мозг, вскочил на ноги.

2

Он стоял, делая вялые движения руками, характерные для неопытных ораторов, словно хотел извиниться.

– Леди и джентльмены, утопийцы, мистер Дюжи! Прошу минуту внимания. Есть одно дело. Очень срочное.

На мгновение он замолчал, но тут заметил внимательный поощрительный взгляд Грунта.

– Я кое-что не понимаю. Это невероятно, не вяжется... Здесь есть одна нестыковка. И она все превращает в причудливую фантазмагорию.

Умные глаза Грунта предлагали продолжать. Мистер Коттедж отказался от попыток обратиться ко всем сразу и сосредоточился на одном Грунте.

– Вы живете на Утопии, опережая нас на тысячи лет. Каким образом вы способны говорить на современном английском языке, том самом, которым мы пользуемся? Я вас спрашиваю: как это возможно? Уму не постижимо. Нервы не выдерживают. Так бывает только во сне. Но вы же нам не снится? Я почти теряю рассудок.

Грунт мягко улыбнулся.

– Мы *не* говорим по-английски.

Мистеру Коттеджу показалось, что земля уходит у него из-под ног.

– Но я же *слышу*, как вы говорите на английском.

– И все-таки нет.

Мозг мистера Коттеджа отказывался выполнять свои функции, и он застыл в позе почти-тельно ожидания.

– Много веков назад, – продолжал Грунт, – мы определенно говорили на разных языках, произносили и воспринимали звуки. Люди сначала думали, затем выбирали, что сказать, и облекали свои мысли в нужные слова. Слушающий воспринимал их и переводил звуки речи в собственные мысли. Потом каким-то образом – мы до сих пор не установили, как именно – люди начали воспринимать мысли еще до того, как собеседники облекут их в слова и выразят с помощью звуков. Они стали слышать чужие мысли в своей голове, как только говорящий в уме приводил их в порядок и обращал в речевые символы. То есть люди начали понимать, что вот-вот будет сказано, еще до того как это скажут. Такая прямая передача смыслов стала повсеместной. Выяснилось, что при некотором усилии большинство людей способны до определенной степени общаться в такой манере, и новый способ коммуникации начал систематически развиваться.

Теперь в нашем мире мы чаще всего общаемся именно так. Мы непосредственно обмениваемся мыслями друг с другом. Сначала формулируем мысль, и она передается другим, если только расстояние не очень велико. В нашем мире мы теперь пользуемся звуками только для поэзии, развлечений и эмоциональных моментов, а также чтобы окликнуть кого-то на расстоянии или обратиться к животному, но не для передачи мыслей от одного человека другому. Когда я думаю для вас, моя мысль, если только находит схожие понятия и подходящие слова в вашем уме, отражается у вас в голове. Моя мысль облекается в слова вашего лексикона, привычные для вас и звучащие достаточно естественно на вашем языке и в составе знакомых вам фраз. Вполне возможно, что каждый член вашей группы слышит то, что я сказал, на свой лад, потому что пользуется своим индивидуальным набором слов и выражений.

Мистер Коттедж сопровождал высказывания Грунта энергичными глубокомысленными кивками, несколько раз порываясь перебить, и, в конце концов, не выдержал:

– Вот, значит, почему иногда, как во время замечательных объяснений мистера Серпентина, мы, когда вы говорите о понятиях, не имеющих даже тени соответствия в наших умах, просто-напросто ничего не слышим.

– У вас действительно возникают такие пробелы?

– Их немало, и, боюсь, это относится ко всем нам.

– Это как временная глухота, – вставила леди Стелла. – Только время это длится довольно долго.

Отец Камертонг согласно кивнул.

– Поэтому я не могу разобрать, как вас зовут: Грунт или Адам, – и у меня в уме путаются Садд с Дубсом и Парксом.

– Надеюсь, что вам теперь удалось освоиться?

– О да. Весьма. Учитывая все обстоятельства, этот способ коммуникации действительно очень для нас удобен, иначе мы не смогли бы избежать многодневной зубрежки: для начала основ грамматики обоих языков, их логики, семантики и так далее, прескучных материй, – прежде чем нам удалось бы выйти на уровень взаимопонимания, хотя бы отдаленно напоминающий сегодняшний.

– Очень точное замечание. – Мистер Дюжи повернулся к мистери Коттеджу с чрезвычайно дружелюбным видом. – Очень точное. Я бы упустил этот вопрос из виду, не обрати вы на него мое внимание. Подумать только: я совсем не заметил этой разницы. Должен признать, меня занимали собственные мысли. Я полагал, что местные знают наш язык. Принимал это как должное.

3

Мистеру Коттеджу теперь казалось, что чудесное событие получило настолько полную законченность, что оставалось лишь восхищаться его абсолютной достоверностью. Он сидел в прекрасном маленьком здании с видом на райские кущи и сверкающее на солнце озеро в окружении английских воскресных нарядов и более чем олимпийской наготы, от вида которой его больше не бросало в жар, слушал сам и временами вступал в длительные непринужденные беседы. В процессе общения всплывали новые удивительные фундаментальные отличия моральных и общественных воззрений двух миров. Однако все вокруг выглядело достаточно реальным для того, чтобы появились мысли о скором возвращении домой и возможности написать в статье для «Либерала» и рассказать жене, не раскрывая, впрочем, всех подробностей, о манерах и костюмах неведомого мира. Мистер Коттедж потерял ощущение непреодолимого расстояния. С таким же успехом Сиденхем мог скрываться за ближайшим поворотом.

Две красивые девушки приготовили чай на тележке среди рододендроновых кустов и теперь развозили его среди присутствующих. Чай! Изысканный, какой в Англии называют китайским, подавали в маленьких пиалах, на китайский же манер, но это был настоящий бодрящий чай.

Любопытство землян перекинулось на систему государственного управления. Ввиду присутствия таких государственных мужей, как мистер Дюжи и мистер Айдакот, иначе и быть не могло.

– Какой формы государственного управления вы придерживаетесь: монархии, автократии или демократии в чистом виде? – спросил мистер Дюжи. – Есть ли у вас разделение на исполнительную и законодательную власть? Кто правит на вашей планете: единое центральное правительство или существует несколько центров управления?

Мистеру Дюжи и его спутникам не без труда объяснили, что на Утопии нет и следа центральной власти.

– Но, конечно, у вас где-нибудь есть кто-то или что-то, – продолжал мистер Дюжи, – какой-нибудь совет или учреждение, которые принимают окончательные решения о коллективных действиях, направленных на общее благо, некий высший институт, орган верховной власти. Как мне кажется, без него *никак нельзя* обойтись...

Нет, заявили утопийцы, в их мире подобной концентрации власти не существует. Раньше такая власть была, но постепенно рассосалась и перешла к обществу в целом. Решения по каждому конкретному вопросу принимают те, кто в нем больше всех разбирается.

– А если речь идет о решении, которому должны подчиняться все? Например, о правилах, регулирующих общественное здравоохранение? Кто заставляет их исполнять?

– Заставлять не требуется. С какой стати?

– Но что, если кто-то откажется выполнять правила?

– Мы выясняем, почему это произошло: возможно, на то имелись уважительные причины.

– А если их не было?

– Тогда мы исследуем человека на наличие психических или каких-либо иных отклонений.

– Психиатрия вместо полиции, – констатировал мистер Дюжи.

– Я предпочитаю иметь дело с полицией, – отозвался мистер Айдакот.

– Ну еще бы, Руперт, – заметил мистер Дюжи таким тоном, как будто хотел сказать: «Вот ты себя и выдал с головой».

– То есть вы утверждаете, – вновь обратился он к утопийцам с задумчивым видом, – что всеми вашими делами управляют особые органы или организации, имени которых люди даже не знают, и никто не координирует их деятельность?

– Деятельность в нашем мире координируется с единственной целью – обеспечить всеобщую свободу. У нас есть определенное число ученых, занимающихся общими вопросами психологии всего населения планеты и согласованием различных коллективных функций.

– Хорошо. Выходит, эта группа ученых и есть правящий класс? – не сдавался мистер Дюжи.

– Не в том смысле, что они могут поступать произвольно, как им вздумается. Они занимаются коллективными взаимоотношениями, не более того. При этом такие ученые не стоят выше других и пользуются преимуществом не больше, чем, скажем, философ в сравнении с техническим специалистом.

– Да это же республика в чистом виде! – воскликнул мистер Дюжи. – Однако я все еще не представляю, как она устроена и как появилась. Я полагаю, что ваше государство в высшей степени социалистическое?

– Вы все еще живете в мире, где почти все, кроме воздуха, – шоссе, дороги, моря и непролазные дебри, – принадлежит частным владельцам?

– Да, – сказал мистер Айдакот. – Принадлежит и является предметом конкуренции.

– Мы пережили этот этап и пришли к выводу, что частная собственность, за исключением личного имущества, создает для человечества невыносимые неудобства. Мы с ней покончили. Художник или ученый полностью распоряжается всеми материалами, которые ему нужны, у каждого есть свои инструменты и приборы, а также помещения и место для жизни, но собственностью у нас не торгуют и не спекулируют. Воинствующую собственность, используемую для всяческих махинаций, мы полностью искоренили. Как мы добились такого результата – долго рассказывать. На это ушло много лет. Преувеличение роли частной собственности совершенно естественный и необходимый этап развития человеческой природы. Оно повлекло за собой чудовищные результаты, но именно эти чудовищные, катастрофические результаты привели человека к пониманию сущности частной собственности и необходимости ее ограничения.

Мистер Дюжи занял свою излюбленную позу: откинувшись на спинку, вытянул ноги перед собой, с педантичной симметричностью свел вместе большой и указательный пальцы обеих рук – и заметил:

– Не буду скрывать, что меня заинтересовала странная форма анархии, которой здесь, как видно, отдают предпочтение. Если я вас правильно понял, каждый человек на Утопии занимается своим делом, хоть и служит государству. Как я понимаю – поправьте, если ошибаюсь, – множество людей заняты в производстве, распространении и приготовлении продуктов питания. Они, как я полагаю, делают запросы о нуждах населения и удовлетворяют их, но при этом им никто не указ. Эти люди сами проводят исследования, экспериментируют. Их никто не принуждает, не обязывает, не сдерживает и не ограничивает.

– Люди с ними об этом говорят, – с легкой улыбкой возразил Грунт.

– Другие изучают, производят и обрабатывают металлы для всего человечества, им тоже никто не указ. Третьи занимаются жилищным вопросом, проектируют чудесные дома, возводят и сами решают, кому и как ими пользоваться. Четвертые занимаются чистой наукой. Пятые экспериментируют с границами восприятия и воображения. Это люди искусства. Шестые учат.

– Это очень важная работа, – заметила Лихнис.

– Все это совершается в гармонии и без нарушения пропорций. Причем при отсутствии какой-либо центральной, законодательной либо исполнительной власти. Признаться, я считаю все это восхитительным, но вряд ли возможным. В том мире, откуда мы явились, пока никто даже не предлагал ничего подобного.

– Нечто в этом роде предлагали гильдейские социалисты, – заметил мистер Коттедж.
– Да ну? – воскликнул мистер Дюжи. – Я почти ничего не знаю о гильдейских социалистах. Кто это такие? Просветите меня.

Мистер Коттедж решил не вступать в пререкания, лишь сказал:

– Эта идея знакома нашей молодежи. Ласки называет эту форму правления плюралистическим государством в отличие от монистического государства с его высокой концентрацией верховной власти. Оно известно даже китайцам. Один пекинский профессор, мистер Чан, написал брошюру под названием «Профессионализм». Я прочитал ее всего пару недель назад. Он сам прислал свой труд в редакцию «Либерала». Профессор указывает, что для Китая крайне нежелательно и даже бесполезно проходить через стадию демократии западного образца. Он предлагает, чтобы Китай сразу перешел на стадию сосуществования и взаимодействия функционирующих классов: мандаринов, промышленников, сельскохозяйственных рабочих и так далее, – что мы, похоже, здесь и наблюдаем. Однако это, разумеется, потребует революции в сфере образования. Так что идея того, что вы называете анархией, витает в воздухе и на нашей планете.

– Неужели? – воскликнул мистер Дюжи с еще более задумчивым и покладистым видом. – Вот как? Кто бы мог подумать!

4

Беседа продолжалась бессвязно, однако обмен идеями шел быстро и продуктивно. Довольно скоро в уме мистера Коттеджа сложилась стройная картина истории Утопии, начиная с Последней эпохи смятения и по сей день.

Чем больше он узнавал о Последней эпохе смятения, тем больше она напоминала ему современную жизнь на Земле. В те далекие дни утопийцы носили одежду и жили в городах наподобие земных. Счастлирое стечение обстоятельств, в котором не было их заслуги, подарило им несколько веков успешного роста. После длительного периода нужды, эпидемий и разрушительных войн жителям Утопии повезло со сменой климата и политическими реформами. Утопийцы впервые смогли исследовать всю планету, подчинив топором, лопатой и плугом огромные, дотоле нетронутые территории. Произошел невиданный расцвет благосостояния, досуга и свободы. Многие тысячи людей вышли из убожества привычного человеческого бытия на уровень, позволяющий им по желанию мыслить и действовать с невиданной ранее независимостью. Началось бурное развитие науки, которое после множества гениальных открытий вложило в руки человека невероятную власть над природой.

В Утопии и раньше случались научные прорывы, однако ни один из них прежде не происходил в столь благоприятных обстоятельствах и не продолжался достаточно долго, чтобы принести изобильные практические плоды. Всего за несколько коротких столетий утопийцы, до того времени ползавшие по планете, как неуклюжие муравьи, или безжалостно использовавшие для передвижения более крупных и быстроногих животных, вдруг обрели возможность скоростного воздушного сообщения и мгновенной радиосвязи с любой точкой планеты. Они овладели невиданной доселе механической энергией. Вслед за развитием физики и химии последовал подъем медицины и психологии, наступила эпоха новых чрезвычайных способностей – возможности управлять собственным организмом и общественной жизнью. Однако все эти изменения, наконец свершившись, наступили с такой быстротой и вызвали такое замешательство, что лишь немногие умы осознавали, какие колоссальные перспективы, помимо практических выгод, открывает столь бурный рост науки. Все остальные принимали новшества и пользовались ими безо всякой системы, даже не пытаясь приспособить образ мыслей и жизни к требованиям, которые те накладывали.

Основная масса населения Утопии, получив больше энергии, досуга и свободы, первым делом ударились в размножение. Люди поступали так же бездумно, как вели бы себя на их месте животные или растения: плодились, пока не истратили все ресурсы, которые пригодились бы для достижения более значительных целей, транжирили великие дары науки, едва успевая их получить, в неразумном стремлении к воспроизведению привычного образа жизни. В какой-то момент Последней эпохи смятения население Утопии перевалило через отметку «два миллиарда».

– А сейчас оно какое? – спросил мистер Коттедж.

– Примерно двести пятьдесят миллионов. Это максимальное количество людей, которые могут обитать на поверхности Утопии в условиях полной развитости. Однако теперь, благодаря появлению новых ресурсов, численность населения снова регулируется в сторону роста.

Отец Камертонг охнул от ужаса. Зловещая догадка уже некоторое время занимала его мысли. Его нравственным устоям был брошен вызов.

– И вы смеете *регулировать* рост населения? Контролировать?! Ваши женщины рожают только на заказ или вынуждены отказываться от детей?!!

– Разумеется. Что в этом плохого? – ответил Грунт.

– Я так и знал, – произнес отец Камертонг и, отклонившись назад, закрыв лицо руками, пробормотал: – Это витало в воздухе! Племенная ферма по разведению людей! Отказ от новых душ! Да это же *дьявольщина!* О господи!

Мистер Дюжи наблюдал сквозь пенсне за эмоциональным всплеском священника с неприятным удивлением. Он терпеть не мог демагогов. И все-таки отец Камертонг представлял весьма ценную консервативную часть общества. Мистер Дюжи вновь обратился к утопийцам:

– Это крайне интересно. Даже в настоящее время население Земли примерно в пять раз больше вашего.

– Но совсем недавно вы сказали, что в месте под названием «Россия» этой зимой умрут от голода двадцать миллионов человек. И лишь малая толика остальных людей живут, по вашим словам, обеспеченной и разносторонней жизнью?

– И все же разница поразительна, – сказал мистер Дюжи.

– Она ужасна! – воскликнул отец Камертонг.

Перенаселение планеты в Последнюю эпоху смятения, заверили утопийцы, явилось главным злом, породившим все остальные злоключения человечества. Мир захлестывал поток все новых жителей, опрокидывая все попытки разумного меньшинства дать образование достаточному количеству людей, чтобы общество отвечало требованиям новых, быстро меняющихся условий жизни. Ученое меньшинство не имело возможности повлиять на судьбу человечества. Огромные массы народа, рождавшегося на свет, как слепые котята, колебались под влиянием негодных, гнивающих традиций и были готовы пойти на поводу самых вздорных идей, стать легкой добычей и поддержать любого авантюриста, у которого хватит наглости предложить вульгарный идеал успеха, чтобы им понравиться. Экономическая система, неуклюже и судорожно подгоняемая под новые условия механического производства и распределения, вызывала все более жестокую и беспардонную эксплуатацию бесчисленных масс простого люда кучкой хищных, алчных деляг. Как правило, простой, чересчур простой человек влачил жалкое, порабощенное существование от колыбели до могилы. Его охмуряло, ему лгало, его покупало, продавало и давило бесстыдное меньшинство, которое было нахальнее и, несомненно, энергичнее, но во всех прочих отношениях ничуть не умнее простого человека. Сегодняшним утопийцам, пояснил Грунт, трудно себе представить ту чудовищную глупость, расточительность и пошлость, которая была свойственна богачам и правителям в Последнюю эпоху смятения.

– Мы не создадим для вас проблем, – сказал мистер Дюжи. – К несчастью, все это нам знакомо. Даже слишком хорошо знакомо.

И на эту гниющую избыточную массу населения обрушилась серия катастроф – так осы набрасываются на кучу подгнивших фруктов. Человечество постигла предсказуемая, неизбежная судьба. Война, охватившая почти всю планету, расстроила и привела в полную негодность шаткую финансовую систему и большинство экономических механизмов. Беспорядок усугубили гражданские войны и непродуманные попытки социальных революций. Несколько неурожайных лет подряд усилили всеобщий дефицит продуктов питания. Ловкачи и авантюристы, слишком недалекие, чтобы понять происходящее, продолжали обманывать и дурачить простой народ, душить в зачатке любое выступление честных людей подобно разрубленным пополам, но продолжающим пировать осам. Стремление к созиданию улетучилось из утопийского общества, сменившись победоносным стремлением к стяжательству. Производство сократилось почти до нуля. Накопленное богатство истощилось. Система неподъемных долгов и тучи кредиторов, неспособных чем-то поступиться ради общего блага, душили всякую инициативу.

Фаза диастолы жизни в Утопии, начавшаяся эпохой великих открытий, перешла в фазу систолы. Финансовые авантюристы и бизнесмены-спекулянты с еще большей жадностью захватывали последние остатки изобилия и удовольствий в мире. Организованную науку давно поставили на службу коммерции, сделали прикладной, то есть применяли для охоты за прибыльными патентами и захвата необходимого сырья. Оставленный без присмотра светильник чистой науки начал тускнеть, мигать и вот-вот должен был совсем потухнуть, оставив Утопию на пороге новых темных веков, подобных тем, что предшествовали эпохе открытий.

– Это *очень* похоже на мрачный прогноз нашего собственного будущего, – сказал мистер Дюжи. – Чрезвычайно похоже. Будь здесь преподобный Уильям Индж², ему бы это очень понравилось!

– Такому безбожнику, как Индж? Не сомневаюсь, – процедил отец Камертонг.

Реплика раздосадовала мистера Коттеджа: ему не терпелось услышать продолжение, – и он поторопил Грунта:

– А потом? Что было потом?

5

Потом, как понял мистер Коттедж, в мышлении утопийцев произошел постепенный разворот. Все больше людей начинали понимать, что на фоне могучих, с легкостью высвобождаемых сил, которые наука и организованность сделали доступными для человека, стало опасно придерживаться прежней концепции общественной жизни, ограниченной правилами узаконенной борьбы людей за господство друг над другом, в то время как растущая кошмарная мощь современных вооружений сделала опасным деление суверенитета на отдельные государства. Чтобы история человека не закончилась катастрофой и полным крахом, должны были появиться новые идеи и правила человеческого общежития.

Все общества доселе основывались на ограничении посредством законов, запретов и договоров дикой агрессивности, унаследованной человеком с тех времен, когда он был еще обезьяной. На этот ископаемый дух отстаивания собственных притязаний требовалось наложить новые ограничения, соразмерные с новообретенным могуществом человечества и угрозами, которые оно в себе заключало. Идея конкуренции за обладание благами как главной движущей силы общественных отношений смахивала на плохо управляемый котел, угрожающий разнести на куски ту самую машину, которую он был призван снабжать энергией. Эту идею должна была заменить новая – творческое служение. Общество могло выжить, только если новая идея завладела бы умом человека и побудила его к действию. Предложения, в про-

---

² Индж Уильям (1860–1954) – британский проповедник, писатель и язвительный критик социальных устоев, трижды номинированный на Нобелевскую премию в области литературы.

шлые века казавшиеся выдумками и фантазиями идеалистов, теперь представляли как суровая духовная истина, одновременно практически осуществимая и неотложная. Объяснения Грунта порождали в уме мистера Коттеджа вполне знакомые образы и фразы. Грунт как будто бы говорил: если человек будет пытаться спасти свою жизнь, то лишь навредит себе, а если пожертвует ею, приобретет весь мир.

Мысль отца Камертонга, похоже, двигалась в том же направлении. Он на секунду прервал говорящего:

– Да вы же цитируете Святое Писание!

Грунт признал, что действительно привел цитату из трудов великого поэта, жившего в далекую эпоху устных преданий. Ученый хотел было продолжить, но отец Камертонг обрушил на него град вопросов:

– Где он жил? Как появился на свет? Как умер?

В сознании мистера Коттеджа вспыхнула картина: бледное лицо, одинокая, избитая, вся в крови фигура, окруженная стражниками в латах и неистовой, толкающей, продубленной солнцем толпой, запрудившей узкую улицу с высокими стенами. За узником несли какое-то громадное мерзкое приспособление, которое дергалось и покачивалось в такт движениям толпы.

– Неужели и в этом мире он умер на кресте? – вскричал отец Камертонг. – Скажите, ведь он умер на кресте?

Пророк из Утопии, как они узнали, действительно умер мучительной смертью, но не на кресте. Его каким-то образом пытали, однако ни современные утопийцы, ни земляне не обладали достаточными познаниями технологий пыток, чтобы получить о них ясное представление. Похоже, он был привязан к медленно вращавшемуся колесу, пока не умер в муках. Пророка постигла чудовищная кара жестокого племени завоевателей, которые обрекли его на смерть, потому что его учение о всеобщем служении встревожило богатых и власть имущих, не желавших никому служить. В уме мистера Коттеджа мелькнул образ изломанного тела, привязанного под палящим солнцем к пыточному колесу. И – о, чудесная победа жизни над смертью! – из того же мира, в котором с ним обошлись с такой жестокостью, к нему пришли великий покой и безграничная красота!

Отец Камертонг не унимался.

– Но вы, конечно, поняли, кто это был? Или ваш мир не догадался?

– Очень многие считали его Богом. Однако он сам обыкновенно называл себя Сыном Божьим или Сыном Человеческим.

– Но вы ему теперь поклоняетесь? – не отступал отец Камертонг.

– Мы следуем его учению, ибо оно истинно и прекрасно.

– Но не поклоняетесь?

– Нет.

– И что, никто не поклоняется? Ведь раньше поклонялись!

– Да, такие люди раньше были. Были и такие, что пытались не поддаваться суровому величию его учения, но при этом тревожно сознавали, что оно содержит в себе глубочайшую истину. Они обманывали свою беспокойную совесть, поклоняясь ему как богу и волшебнику вместо того, чтобы видеть в нем путеводный маяк для своей души. К обстоятельствам казни они приплетали древние традиции принесения в жертву царских особ. Вместо того чтобы просто и безыскусно принять его учение, подчинить ему свой разум и волю, они воображали, будто совершают таинства, вкушают его плоть, и она становится их плотью. Колесо, на котором он был распят, было превращено ими в чудотворный символ, повторение этого символа видели в экваторе, форме солнца, в эклиптике, короче, во всем, что представляло собой окружность. Верующие считали, что в случае невезения, болезни или непогоды достаточно описать в воздухе указательным пальцем замкнутый круг, и все уладится.

И так как невежественные массы благодаря доброте и бескорыстию учителя высоко ценили память о нем, этим воспользовались хитрые пробивные типы, начавшие выдавать себя за поборников и проповедников колеса. Славя его имя, они богатели, приобретали могущество, заставляли людей воевать за него и, прикрываясь им, оправдывали зависть, ненависть, тиранию и тайные страсти. Дело дошло до того, что люди начали говорить: появившись этот древний пророк в Утопии еще раз, его заново распяли бы на прославившем его колесе.

Отца Камертонга такое направление беседы не заинтересовало. Он на все смотрел со своей колокольни.

– Но я уверен, что остатки верующих должны сохраниться! – воскликнул он. – Их, возможно, презирают, но они же есть?

Увы, не сохранилось даже остатков. За величайшим учителем всех времен пошел весь мир, но о поклонении речи не шло. Сохранилось несколько старых ценных зданий с высеченным на фасаде – подчас окруженным невероятно замысловатым орнаментом – колесом. В музеях и собраниях хранится множество изображений, картин, амулетов и тому подобных вещей.

– Я не в силах это понять. – сказал отец Камертонг. – Какой ужас. Я совершенно растерян. В голове не укладывается.

6

После Грунта бремя ответов на вопросы землян взял на себя светловолосый стройный мужчина с красивым тонким лицом, которого, как потом узнал мистер Коттедж, звали Лев.

Он был одним из координаторов системы образования. Лев объяснил, что перемены в судьбах Утопии произошли не из-за внезапной революции. Новая система законов и обычаев, новый порядок экономического сотрудничества, основанный на идее всеобщего служения коллективному благу, не явились в законченном виде, словно по волшебству. Длительное время перед Последней эпохой смятения и во время нее основы нового мироустройства закладывались растущим числом теоретиков и практиков, не имевших готового плана или заранее намеченного подхода, но побуждаемых к безотчетному сотрудничеству всеобщим желанием служить обществу, всеобщей ясностью представлений и правдивостью намерений. Психология как наука начала бурно развиваться подобно тому, как в предыдущие века, когда Последняя эпоха смятения подошла к своей кульминации, развивались география и физика. Общественно-экономическая неразбериха, сдерживавшая развитие естественных наук и парализовавшая организованные усилия университетов, в то же время послужила стимулом к изучению взаимоотношений между людьми, которое велось с невиданным прежде отчаянием и бесстрашием.

У мистера Коттеджа сложилось впечатление, что вместо насильственных переворотов, которые в его мире звали революциями, в Утопии попросту постепенно таял мрак и разгоралась заря новых идей, что старое еще некоторое время соседствовало с новым, постепенно теряя силу, пока люди, руководствуясь здравым смыслом, не начинали окончательно жить по-новому.

Начатки нового строя зарождались в дискуссиях, книгах и психологических лабораториях, его семена прорастали в школах и университетах. Старый строй плохо вознаграждал учителей, наиболее властолюбивые среди них были заняты борьбой за богатство и влияние, у них оставалось мало времени на преподавание. Эту задачу поручали людям, которые вкладывали в дело ум и труд, не надеясь на материальные выгоды, и постепенно формировали в сознании молодежи представления о новом мире. И в итоге преуспели. В мире, где пока еще правили политические авантюристы, где к власти приходили неудавшиеся бизнесмены и финансовые махинаторы, все больше распространялось и утверждалось понимание, что необузданная частная собственность – помеха для общества, что ни государство не способно нормально работать,

ни сфера образования не могла приносить нужные плоды, пока рядом существовал класс безответственных толстосумов. Ибо сама природа этого класса побуждала его атаковать, извращать и подтачивать любое государственное начинание. Показная роскошь богачей искажала и затмевала реальные жизненные ценности. Ради блага всего человечества они должны были исчезнуть.

– И они сдались без боя? – задиристо спросил мистер Айдакот.

Они сопротивлялись беспорядочно, но яростно. Осознанная борьба, чтобы не допустить или хотя бы задержать становление всеобщего государства науки и просвещения, продолжалась в Утопии почти пять столетий. Эту борьбу с претворением идеи коллективного служения в конкретную реальность вели алчные, ретивые, пристрастные, своекорыстные люди. Борьба происходила везде, где распространялись эти идеи. Она велась с помощью увольнений, угроз, бойкотов, актов насилия, лжи, ложных обвинений, судов, тюрем, бессудных расправ, смолы и перьев, дубин и ружей, бомб и пушек.

Однако служение запущенной в мир новой идее не прекращалось. Она овладевала умами мужчин и женщин с непреодолимой силой. Прежде чем в Утопии появилось государство науки, в борьбе за него погибло более миллиона подвижников, а тех, кто претерпел меньшее зло, и вовсе не возможно сосчитать. Новое образование, новые законы общества, новые экономические методы одерживали победу за победой. Точной даты завершения реформ не существует. Просто однажды утопийцы поняли: день сменил ночь, а новый порядок – старый.

– Так оно, вероятно, и есть, – сказал мистер Коттедж, как будто не видел перед собой современную Утопию. – Так оно, вероятно, и есть.

Лев начал отвечать на чей-то вопрос. Каждого ребенка в Утопии обучают с полным учетом его склонностей и направляют в ту область занятий, к которой у него проявляются интерес и способности. Дети рождаются в достатке, у здоровых родителей, мать вынашивает ребенка после должной подготовки, прежде хорошо обдумав свое решение. Дитя растет в совершенно здоровой обстановке. Ненавязчивые методы воспитания поощряют его природную тягу к играм и познанию нового. Руки, глаза и тело ребенка получают идеальные возможности для тренировок и развития. Дети учатся рисовать, писать, излагать свои мысли, пользуясь большим выбором помогающих мышлению символов. Доброта и вежливость с детства входят в привычку, потому что детей повсюду окружают добрые, вежливые люди. Особое внимание уделяется воображению и его развитию. Ребенок знакомится с удивительной историей своего мира и человечества, с тем, как люди боролись и до сих пор борются с примитивной животной ограниченностью и эгоизмом, чтобы выйти из состояния, в котором все еще, хотя и не так заметно, как раньше, их удерживает непролазное невежество. Желания ребенка направляют на прекрасное. Поэзия, а также пример и любовь окружающих учат его избавляться от озабоченности самим собой и заботе о ближнем; таким образом, половое влечение становится оружием против себялюбия, любопытство расцветает, превращаясь в страсть к науке, воинственность проявляется в борьбе с нарушениями порядка, природные гордость и амбициозность находят применение в форме активного участия в коллективных начинаниях. Ребенок сам решает, чем ему заниматься и что ему по душе.

Если кто-то ленив – невелика потеря, в Утопии всего хватает на всех, однако ленивец не найдет себе пары и не сможет иметь детей, потому что в Утопии не любят вялых и безынициативных. В Утопии любовь основана на гордости за партнера. К тому же здесь нет богатых бездельников и высшего света, нет игр и зрелищ для праздных зевак. Зевакам не на что смотреть. Этот мир воистину хорош для отдыха, но не для тех, кто постоянно ничем не занят.

Наука в Утопии еще много веков назад научилась управлять генетикой, и почти каждый ныне живущий утопиец по меркам прежних времен считался бы энергичным и творчески одаренным человеком. В Утопии редко встречаются тупицы, а слабоумных нет вообще. Ленивые, люди, склонные к апатии или со слабым воображением, почти полностью вымерли. Меланхо-

личный темперамент был отвергнут и выродился. Завистливые и злые постепенно исчезают. Абсолютное большинство утопийцев энергичны, оптимистичны, изобретательны, восприимчивы и уравновешенны.

– Что же, у вас даже парламента нет? – все еще не мог поверить мистер Дюжи.

В Утопии не было парламента, политической борьбы, личных состояний, рыночной конкуренции, не было сумасшедших, слабоумных и уродов, и все потому, что школе и учителям здесь позволили без помех выполнять свою роль. Политика, коммерция, конкуренция – это способы приспособления к жизни в жестоком обществе. В Утопии отказались от них более тысячи лет назад. Взрослые утопийцы не нуждаются в контроле или правительстве, потому что умение контролировать себя привили им еще в детском и юношеском возрасте.

– Наша система образования и есть правительство, – закончил Лев.

Глава 6

Земляне критикуют

1

Иногда во время этого памятного полудня и вечера мистеру Коттеджу казалось, что он участвует в чрезвычайно интересной, но в остальном вполне обычной беседе о государственном устройстве и истории, беседе, необъяснимым образом превратившейся в яркое событие, как если бы весь диалог происходил у него в уме. Но тут с подавляющей силой вновь заявляла о себе абсолютная реальность случившегося с ним, и диковинная причудливость положения затмевала интеллектуальный интерес. В такие моменты взгляд мистера Коттеджа скользил по лицам окружавших его утопийцев, временами задерживаясь на какой-нибудь изысканной архитектурной детали, опять возвращался к божественной грации их фигур, после чего скептически окидывал собратьев-землян.

Лица всех утопийцев были открыты, серьезны и прекрасны, как ангельские лики на полотнах итальянских мастеров. Одна женщина даже напоминала Дельфийскую сивиллу Микеланджело. Женщины и мужчины сидели вместе в свободных позах, сосредоточенно следя за беседой, но иногда мистер Коттедж ловил на себе внимательный взгляд приветливых глаз или замечал, как какой-нибудь утопиец разглядывает наряд леди Стеллы или монокль мистера Соппли.

Сначала мистеру Коттеджу казалось, что все утопийцы очень молоды, но теперь он начал замечать на некоторых лицах печать деятельной зрелости. Ни одно лицо не имело явных признаков старения, привычных для его мира, хотя Грунта и Льва отличали складки мудрости, залегающие вокруг глаз, углов рта и на лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.